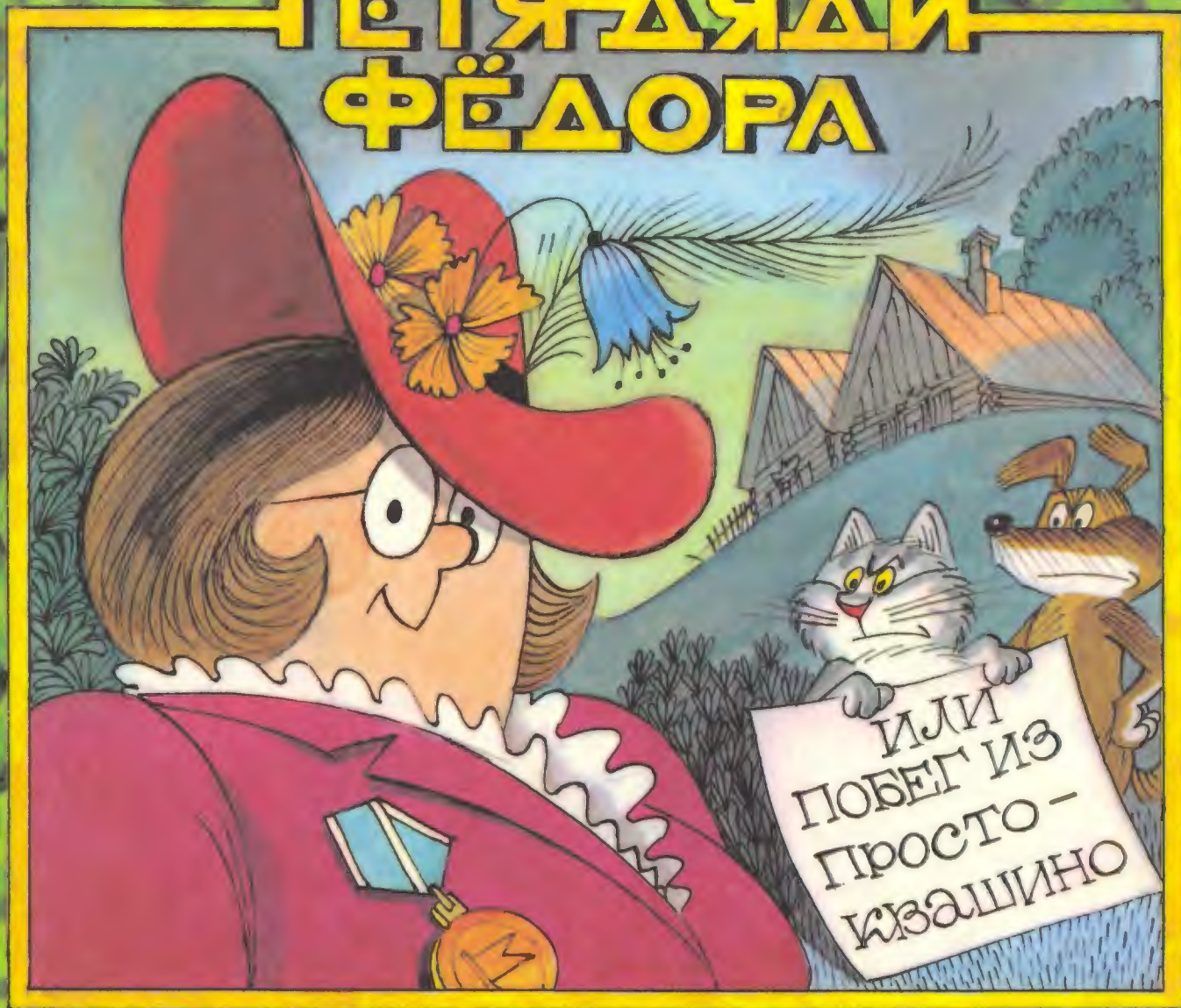

Э. УСПЕНСКИЙ

ТЁТЯ ДЯДИ ФЁДОРА

РИСУНКИ

В. ЧИЖИКОВА

✶

Э.УСПЕНСКИЙ

ТЁТЯ ДЯДИ ФЁДОРА

ИЛИ
ПОБЕГ ИЗ ПРОСТОКВАШИНО

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

РИСУНКИ
В.ЧИЖИКОВА

САМОУВАР

Глава первая

ПИСЬМО

На Простоквашино надвигалась осень. Не очень быстро, а так—миллиметр за миллиметром. Каждый день становилось холоднее на четверть градуса. Днем еще было лето, солнце все заливало золотом. Но зато ночью никаких сомнений не оставалось, что вот-вот зима на природу обрушится. Ночью даже снег выпадал.

Все были заняты делом. Кот Матроскин за последними грибами ходил и капусту засаливал. Дядя Федор задачник для третьего класса осваивал. А пес Шарик теленка воспитывал. Он полугодовалого Гаврюшу на сторожевого быка дрессировал, полусторожевого полуохотничьего. Увидит он зайца в поле и кричит Гаврюше:

— Ку-си!

Бычок после этого до самой речки за зайцем гонится. Заяц через речку в два прыжка "блинчиком" перелетит и в поля. А Гаврюша так не может. Он в речку трактором врежется и такой веер брызг поднимет, что радуга полчаса над рекой висит.

Бросит Шарик палку через забор и кричит Гаврюше:

— Не-си!

Гаврюша прыг через забор, палку в зубы и назад. Шарик прикажет ему:

— Му-му!

Гаврюша замычит так, что люди в деревне шаркаются. Они думают, что на их Простоквашино электричка наехала.

Однажды кот Матроскин не выдержал, он к Шарiku подошел и говорит:

— Ты на кого его дрессируешь? На циркового клоуна? Что это за "куси—неси" такое? Что это за "му-му—ква-ква"? Для дрессировки собак давно уже специальные культурные команды придуманы: "фас" там или "апорт". Или уж "голос" в крайнем случае.

— Может быть, для сервировки собак есть такие слова,—возражает Шарик,—только для быков они не подходят. Быки—они звери сельские, простые, небалованные.

— Не для сервировки, а для дрессировки,—поправляет Матроскин.—Сервируют только столы в ресторане. Пора бы знать, глухомань сельская.

Шарик обиделся на "глухомань сельскую"—и сделал такое заявление:

— Вот что, Матроскин, ты заведи себе своего теленка собственного и дрессируй по-своему. А это мой Гаврюша.

Матроскин от удивления аж остолбенел на две минуты. Его можно было горизонтально на два столбика класть. Так в цирке гипнотизеры с тетеньками делают. Потом как закричит:

— Как это твой, когда это мы его вместе с Муркой рожали! Да я из-за него столько ночей не спал. Да я его из соски молоком поил! Да я лично ему клизму двадцать раз делал, когда ты его сосисками кормил!!

В общем, большой конфликт надвинулся. Того и гляди Шарик с Матроскиным подерутся. Они уже друг друга толкать начали.

Дядя Федор на крыльцо вышел и говорит:

— Давайте мы теленочью дуэль проведем. Поставим вас в разные концы огорода, а Гаврюша пусть в середине стоит. Вы его к себе зовите. К кому он подойдет, тот им и будет командовать.

Встали они в разные концы огорода. Каждый к себе Гаврюшу зовет. Шарик командирским голосом кричит:

— Гаврюша, ко мне бего́м! Гаврюша, ко мне круго́м!

Матроскин так тихо подзывает:

— Кис! Кис! Иди ко мне, скотинка маленькая!— И большую брюкву из-за спины показывает.

Гаврюша на месте крутится, то туда голову повернет, то сюда. То к Шарику побежит, то к Матроскину. Чем ближе он к Шарику приближается, тем сильнее Матроскин кричит и наоборот. Такой шум подняли, на всю деревню, а толку нет. Не получается теленочья дуэль.

Тогда дядя Федор говорит:

— Пусть каждый из вас возьмет палку и кинет ее через забор. Чью палку он принесет, тот для Гаврюши и главнее.

Выбрали они каждый себе палку по вкусу. У Шарика палка длинная была и тонкая и вся в мелких сучках. Она чем-то сильно на самого Шарика смахивала. Он тоже был тощий и задиристый. А у Матроскина в лапах такая толстая дубинка оказалась, потому что Матроскин и сам за последнее время округлился.

Кинули они свои палки за забор, и Гаврюша вихрем за забор прыгнул. Все замерли. Ждут.

Вылетает Гаврюша из-за забора, а в зубах у него не палка, а зеленый плащ почтальона Печкина. Почтальон за забором стоял и в дырочку подсматривал. Гаврюша его самого хотел притащить, да Печкин по дороге из плаща вывалился.

Бедный Печкин за плащом прибежал и давай тащить его за другой конец. Гаврюша не отпускает. Шарик и Матроскин тоже пытаются плащ у быка выдернуть, да ничего не выходит. Гаврюша за лето здоровый стал, как танк. Он всех троих спокойно по огороду тащит, куда захочет. Весь огород перепахал.

Печкин кричит:

— Эй, ты, рогатый дурачок, отдай плащ немедленно! Доиграешься, тебя на колбасу отправят!

Дядя Федор решил вмешаться. Он подошел к Гаврюше и спокойно так скомандовал:

— Голос! Му-му!

Бычок как замычит своим электрическим голосом и плащ выпустил. Сразу Шарик с Матроскиным и Печкин втроем на три метра отлетели и в забор врезались. Матроскин посмотрел на выпавшие доски и говорит:

— Да, ремонта здесь рублей на сто наберется. Придется сто штук штакетника покупать. От этого Печкина нам только одни расходы идут. Да еще и подслушивает!

Печкин говорит:

— Мне от вас много доходов! У меня этот плащ, может быть, свадебный. А вы вон как его изжевали и обсопливили! Его и надеть—и то противно. Придется мне теперь к своему дому огородами пробираться. Я не какой-нибудь Рокфеллер африканский два плаща иметь. А вас я вовсе не подслушивал, нужны вы мне больно. Я вам письмо принес.

Он отдал им письмо и скорее ушел, а то вдруг Матроскин заставит его забор чинить.

Дядя Федор взял письмо и пошел в дом. Письмо—это очень важное событие. Все про теленочью дуэль сразу забыли. Оно было от мамы. Мама писала:

”Дорогой наш мальчик дядя Федор!

Ты живешь в сельской местности совсем заброшенный. Природа к тебе близко, а культура далеко. Это хорошо, но неправильно. Будем принимать меры.

К нам приехала моя двоюродная сестра Тамара Семеновна. Фамилия у нее Ломовая. Вообще-то у нее двойная фамилия: Ломовая-Бамбино. Папа у нее был генерал Ломовой, а мама—солистка балета—Бамбино.

Она такая добрая и очень толстая, как две. Ты ее не помнишь. Она ушла из армии. Там она работала полковником по хозяйственной части. Она решила тебе подарок сделать. Она решила всю оставшуюся жизнь посвятить твоему воспитанию.

Про нее была статья в газете, и ее очень хвалили. Она такой работник прекрасный—за тридцать лет ни разу в отпуске не была. С ее склада ни одна пушка не потерялась, ни один танк не пропал. Когда она из армии увольнялась, все солдаты строем плакали.

Тебе она очень много пользы принесет. Она уже пианино купила и самоучитель, будет тебя на лауреата международного конкурса готовить. Жди ее с нетерпением и радостью. Твои родители: папа и мама”.

Когда дядя Федор письмо прочитал, он не особенно обрадовался. Эта двухразмерная тетя его чем-то насторожила. И к пианино у него особой тяги не было. И Шарик насторожился. Ему пианино нравилось, он часто думал: ”Вот бы выбросить оттуда всю требуху, которая гремит, отличная собачья будка получится!” Он просто к любому постороннему человеку заранее с подозрением относился. А Матроскин обрадовался:

— Нам лишний хозяйственный работник никогда не помешает. Мы тут забурели совсем в сельской местности, закисли, темпы теряем. Кругом люди фирмы открывают, лапти плетут для иностранцев. А мы ушами хлопаем. Нам нужны свежие силы.

И стали они к приезду тети Тамары готовиться. Первым делом решили для тети кровать купить. Тетя— это не собачка, завел ее и все. Ей и кровать нужна, и матрас, и одеяло. Ее на сеновал не положишь, особенно осенью.

Вывели они из сарая трактор—тр-тр Митю, заправили его борщом вчерашним и поехали в большой сельский магазин с мебелью.

Едут себе они по сельской дороге, запутанной, как веревка, белые колечки в небо пускают. А по краям вся природа как мультипликация ЯРКАЯ! Ели—зеленые, сосны—черные, а лиственные деревья—оранжевые. Одно удовольствие смотреть. Сиди себе и любуйся.

Только тр-тр Митя не давал им смотреть. Только они см..., см..., только они см..отреть начинают и люб..люб..любоваться, он их трясет. Он в последние дни засиделся в своем сарае и летел вперед как ошпаренный. На каждой кочке два раза подпрыгивал. Один раз от кочки, другой раз от засиделости. Когда наши покупатели около магазина с трактора сошли, их шатало так, будто они не в магазин приехали, а в вытрезвитель. Они не только шатались, они еще и подпрыгивали.

Матроскин говорит продавцу:

— Здравствуйте, нам кровать нужна на колесиках. Есть у вас такие? К нам тетя в гости приезжает на постоянную жизнь.

Продавец отвечает:

— У нас сейчас любые кровати есть. Хоть на колесиках, хоть с моторчиком. У нас в деревне капитализм наступил.

— Хорошо,—говорит дядя Федор,—давайте посмотрим ваши кровати.

— А чего их смотреть?—говорит продавец.—Вы скажите, какая кровать вам нужна. Мы нажмем кнопку, и дядя Вася вам ее со склада притащит.

— Какой-то странный у вас капитализм наступил,—говорит Матроскин.—И кроватей у вас завались, и кнопки есть, а дядя Вася все так же на себе тяжести таскает, как при развитом социализме.

— Так какая кровать вам нужна?—спрашивает продавец.

— Большая кровать,—отвечает дядя Федор.

— Это не разговор,—замечает капиталистический продавец.—Дайте точную техническую характеристику. Кровати бывают односпальные, полутораспальные и двуспальные. Сколько к вам тетя приезжает?

— Одна тетя, но вдвоенная!—кричит Шарик.—Давайте нажимайте кнопку. Пусть нам двуспальную кровать принесут.

Нажали кнопку, прибежал дядя Вася в синем халате. Ему объяснили, что нужно. И через пять минут

он притащил огромную кроватищу на колесиках. Там не то что сдвоенную, там строенную тетю уложить можно было.

Шарик про себя подумал:

”Если нам тетя не понравится, мы на этой кровати палатку разобьем, вещи погрузим и быстро в другую деревню смотаемся”.

Матроскин деньги продавцу заплатил и говорит:

— Там я у вас много пустых картонных ящиков вижу. Они вам, наверное, не нужны, а нам очень для растопки пригодятся.

Продавец согласился и разрешил Матроскину все ящики забрать. Они быстро эти ящики на кровать погрузили, прицепили ее к тр-тр Мите тросиком и очень осторожно поехали.

Со стороны было похоже, что трактор не кровать, а воз сена везет. Только вместо сена были разноцветные ящики. Очень красивая картина получалась. В этот раз Митя себя прекрасно вел, и они вдоволь на осенние деревья насмотрелись.

Почтальон Печкин их по дороге встретил и спрашивает:

— Это кто же вам столько посылок прислал таких красивых? И почему без меня?

— Это гуманитарная помощь,—говорит Матроскин.—Ее сейчас прямо в руки передают без посредников. Это питание для собак и кошек ”Вис-кас” и ”Соба-кискас”.

Печкин подумал:

”Вот как о собаках и кошках беспокоиться стали. А о почтальонах не думают. Жалко, что я не собака и не кошка. Пожалуй, и я себе котенка заведу, пусть ему гуманитарную помощь присылают”.

Когда они домой приехали, Матроскин за голову схватился:

— А вдруг кровать в доме не поместится? А вдруг она в дверь не пролезет? Как тогда быть? Придется дырку в стене пропиливать!

Но потом он все измерил и успокоился. Если подстилку Шарика в сени вынести, то как раз места для кровати хватит. Или пусть Шарик под кроватью спит, тетю охраняет.

Шарик на это не пошел.

— Фиг тебе, чтобы я под вашей тетей спал!—сказал он коту.—Раз вы меня выселяете, выселяйте совсем на улицу. Я из этих ящиков себе прекрасную будку склею двухкомнатную. Буду на улице жить, как все собаки.

Матроскину было жалко ящики отдавать. Он говорит:

— А чего бы тебе, Шарик, под крыльцом не устроиться? И делать ничего не надо. И тепло, и сторожить удобно.

— Ага. И все ноги у тебя над головой от снега тряхивают и от песка. И все это тебе на голову сыплется. Нет, ты сам там живи, если ты такой изобретательный.

Тут дядя Федор вмешался:

— Матроскин, ты не прав. Пусть Шарик клеит, что хочет. Мы так договорились жить, чтобы каждому было хорошо. Мы все должны друг друга любить.

— Верно,—согласился кот.—Если мы друг другу уступать не будем, у нас не дом будет, а коммунальная квартира. Склочная.

И еще он добавил практические соображения.

— Дядя Федор, сколько от него шума, от нашего Шарика! Стоит только какой-нибудь собачке в деревне твякнуть, он такой гам поднимает, что мы до потолка подпрыгиваем. А в будке ему звукоизоляция не позволит так шуметь.

Шарик сразу взялся за дело. Достал кисть малярную из сарая, сварил из крахмала ведро клея кисельного типа и начал ящики клеем мазать и друг к другу прислонять.

Ящики легкие, веселые, яркие. И работа легкая, веселая, яркая. Если делать ее аккуратно. А Шарик все делал тяп-ляп. Сначала сделал картонно-ящичный пол, потом картонно-ящичные стены, потом из реек, которые Матроскин приготовил для ремонта забора, сделал обрешетку для крыши и тоже обклеил ящиками. Дом вышел сикось-накось, но очень яркий и симпатичненький.

Тут уже и вечер наступил, звезды высыпали на небо, как веснушки. Вымотанный Шарик как стоял на картонном полу, так и спать свалился, а клеевую кисть под голову подложил.

Глава вторая

ТЕЛЕГРАММА

Утром чуть свет почтальон Печкин пришел. И давай калитку дергать. Раньше он смело во двор проходил, на крыльцо и в дверь стучал, а теперь он стал теленка Гаврюшу побаиваться.

Он калиткой хлопает, стучит по ней, а его никто не слышит. Все спят еще. Тогда он стал кричать:

— Стук-стук! Дзинь-дзинь! Ба-бах! Блям-блям! Вам телеграмма пришла!

Никакой реакции. Только Гаврюша к калитке подошел—стал почтальоном Печкиным интересоваться.

Печкин опять кричит:

— Эй, вы! Дзинь-дзинь! Вам телеграмма пришла! Ничего.

”Ну и не сдавайся! Зачем ты мне нужен!”

Но остановиться не может. Его рефлекс подгоняет. Наконец они до речки добежали. Печкин, как Чапаев, с сумкой в руке через речку поплыл, а Шарик остыл. Он кричит:

— Печкин, Печкин, это я—Шарик!

Печкин тоже остывать начал. Оглянувшись назад и все понял.

— Нет,—говорит,—ваша команда меня скоро в гроб загонит. Ведите меня к себе домой и переодевайте в сухое.

Он, конечно, был прав: он им телеграмму принес, а его в речку загнали. Они с Шариком быстро домой вернулись сушиться. Хорошо, что утреннее солнышко над зеленой травой уже греть начало, а то бы Печкин совсем простудился.

Пока Печкин в одних трусах на печке сох, дядя Федор мокрую телеграмму читал:

”Встречайте нас, мы уже выехали. Ваши родители: папа и мама, ваша верная тетя Тамара и верный денщик-ординарец Иванов-оглы-Писемский. Готовьте место для музыкального инструмента”.

— Как-то не по-военному написано,—сказал дядя Федор.—”Встречайте нас, мы уже выехали”. А на чем выехали, где встречать, откуда выехали—непонятно.

Матроскин в это время от Шарика приклеенные ящики ножницами отрезал. Он все объяснил:

— Выехали из Москвы от твоей мамы. Выехали на поезде. Встречать надо на станции.

— Все правильно,—говорит Печкин.—У нас на станции московский поезд один раз в день останавливается. Ночью.

Но Шарик спорит:

— А может, они на автобусе выехали или на вертолете.

— На вертолете вылетают, а не выезжают,—ответает Матроскин.—А на автобусе с пианино не ездят. Его в грузовом вагоне везут.

— А что такое денщик-ординарец?—спрашивает Шарик.

Печкин с печки кричит:

— Это что-то вроде шофера. Есть еще такие стихи замечательные: "Стой, денщик, жара нестерпимая. Дальше ехать не могу". Мы в школе учили.

— А почему он ординарец?

— Наверное, весь в орденах. Боевой денщик.

Тем временем Матроскин от Шарика последний ящик отрезал и говорит:

— Мне кажется, тебя постричь надо наголо, а то и вовсе побрить. Потому что ты получился весь дырками выстриженный, как в лишаях.

— Вот это дудки!—говорит Шарик.—Зима на дворе, а ты меня постричь хочешь. Лучше я в дырках буду ходить, чем, как крыса, стриженный.

Вдруг во дворе сторожевой Гаврюша замычал, а потом машина забибикала. Это наши со станции приехали. Наши московские. А наши простоквашинские все на крыльцо высыпали на московских смотреть.

Смотрят они: около ворот стоит грузовик, полный народа. В кузове папа с мамой, пианино и дядя незнакомый, военизированный. В кабине тетя больших размеров с подносом, полным пирожных, на голове (это такая шляпа) и шофер.

Тетя из кабины вышла, всех осмотрела и говорит:

— Здравствуйте. Вот вы какие. А кто из вас будет почтальон Свечкин?

Печкин вышел вперед:

— Это я. Только не Свечкин, а Печкин.

— Очень хорошо, очень хорошо!—говорит тетя.— Не обижайтесь. Свечкин, Печкин, Огуречкин, лишь бы вышел человечкин—вот что главное. А домик у вас захудаленький. Будем расширять.

Кот Матроскин уперся и говорит, глядя в землю:

— Не будем.

— Будем,—говорит тетя.

— Не будем,—говорит Матроскин.

Видно, что коса на камень наехала. Или бензиновая пила "Дружба" на гвоздь.

— Это почему же не будем?—спрашивает тетя.

— А нам и так хорошо живется!—кричит нервный Шарик.

— Вам плохо живется,—объясняет тетя.—Только вы этого не понимаете. Вы по ошибке счастливы. Но я вам глаза раскрою. Я вас нацелю, куда надо, на соответствующие показатели.

Матроскин про себя ворчит:

— Мы не пушки какие-нибудь, чтобы нас нацеливать. Вы своего Иванова-оглы нацеливайте”.

Иванов-оглы вылез из кабины, и стало видно, что он хороший дядя. Очень мирный, трудно его куда-нибудь нацеливать. Он первым делом пошел с Печкиным за руку здороваться.

Папа с мамой из грузовика выпрыгнули и побежали с дядей Федором обниматься. Мама говорит дяде Федору:

— Вы тетю Тамару слушайте. Она вам добра желает.

Шофер из кабины кричит:

— Вы лучше меня слушайте. Вы свой ящик полированный забирайте скорей. У меня еще пять вызовов.

И все пианино занялись. А как его заберешь, когда его с места не сдвинешь. Его на станции четыре здоровых грузчика с трудом в грузовик подняли.

Кот Матроскин свою хозяйственность на всю мощность включил. Принес цепь огромную, на которой корова Мурка паслась, и говорит:

— Давайте мы это пианино цепью за ножку зацепим, а второй конец к воротам привяжем. Грузовик отъедет чуть-чуть, и мы пианино подхватим.

Так и сделали. Грузовик отъехал чуть-чуть, и ворота как грохнутся! Даже гриб из пыли над домом поднялся.

Дядя Федор говорит:

— Спасибо, Матроскин, что ты нам дом не развалил!

Матроскин не согласен:

— Все равно моя идея правильная. Давайте, мы цепь к яблоне привяжем.

— А что,—соглашается Шарик.—Шофер как даст газу, как рванет. Больше мы ни пианино, ни яблони не увидим.

Но в этот раз все хорошо получилось. Только все яблоки разом с яблони слетели и вниз рухнули. Внизу корова Мурка лежала и с любопытством на всех поглядывала. Как по ней яблоки застучат, как она вскочит, как бросится бежать. Еще ползабора снесла. Горячая корова, молодая.

Пианино поймали, и все сразу делом занялись. Папа и мама пошли себе сеновал обустроить. Тетя Тамара, как военная гражданка, пошла с местностью знакомиться, чтобы знать, куда отступать в случае чего. А Иванов-оглы и Печкин под руководством Матроскина ремонтом занялись. За этот день столько всего разрушено было, что на две хороших ремонтных бригады хватило бы.

Глава третья

НОЧЬ

К вечеру все устроилось. Папа и мама себе на сеновале отличное место оборудовали. Тетю Тамару на двуспальной кровати положили. А Иванов-оглы к Печкину ушел ночевать. Он всю ночь почтальону интересные истории рассказывал из военной жизни:

— Помню как-то раз нам с товарищем полковником на склад два грузовика сапогов привезли. А склад у нас битком забит, некуда сапоги складывать. Дело было ночью. Другой бы товарищ полковник от сапогов бы отказался, но наш товарищ полковник, не такой, то есть он не такая.

— А ваш товарищ полковник какая?—спрашивал Печкин.

— А наш товарищ полковник такая. Она быстро

выход нашла. Перед складом во дворе танки стояли. Так мы эти сапоги в эти танки и сложили. Правда, здорово?!

— Здорово!—соглашался Печкин.

— Здорово, да не совсем. Потом из этого небольшая неприятность вышла. Почти скандал.

— Какая такая неприятность?

— А такая. Утром учебная тревога была. Танкисты стали в танки запрыгивать, а там сапоги все место заняли. Пока они сапоги вытаскивали, учебный противник всю нашу часть захватил. А вообще человека лучше товарища полковника, более экономного я в жизни не встречал. У нас в части пять пожаров было, а мы ни одного огнетушителя не истратили.

Дядя Федор в это время на сеновале лежал между папой и мамой. Ему так хорошо было, уютно. Он то к маме, то к папе прижимался. Мама говорила:

— Ты, дядя Федор, не переживай. Вы с тетей Тамарой поладите. Она очень самоотверженная.

— Это верно,—соглашался папа.—Только мне кажется, что она чересчур уж энергичная. При ее размахе, ей здесь тесновато будет. При ней можно целых пять детских интернатов содержать.

Тетя Тамара Семеновна лежала на своей двуспальной кровати и думала: "Как хорошо, что я сюда приехала. Через эту деревню я начну все сельское хозяйство страны поднимать. Скоро миллионы тракторов

забороздят пространство полей. Важно только людей хорошо зажечь”.

Кот Матроскин в это время на печи лежал и думал: ”Жаль, что котов в армию не берут. Ничем я не хуже этой тети. Я бы запросто до генерала дослужился по хозяйственной части. А Шарик был бы у меня Иванов-оглы-Шариковский”.

Иванов-оглы-Шариковский в это время голову ломал, как бы ему устроиться. От его вчерашней будки одни картоночки остались, клеем намазанные. И решил он так поступить. Взял ноги в руки и бегом в тот самый мебельный магазин отправился, где они кровать покупали. Там этих ящиков было завались. Выбрал себе Шарик самый большой ящик—из под телевизора—и говорит:

— Чего там долго думать—это готовая будка моя.

Взвалил он ящик на плечи и домой побежал. Бежал, бежал, бежал, бежал, устал.

”Нет,—думает,—если я еще полкилометра пробегу, меня удар хватит. Меня прямо в этом ящике и закопают. Надо передохнуть”.

Влез он в этот самый ящик, свернулся квадратиком и заснул. Благо на дворе давно уже ночь была.

Глава четвертая

НАЦЕЛИВАНИЕ

Утром раньше всех Иванов-оглы и Печкин проснулись. Они наскоро выпили по стакану чая и в дом к дяде Федору собрались. Идут они на желто-красные осенние перспективы посматривают.

Иванов-оглы-Писемский удивляется:

— Странные у вас пейзажи здесь какие-то: березки, солнцем подсвеченные, пеньки черные, речка вон, вся перекрученная, блестит и ни одного танка, никакой колючей проволоки. Непривычно как-то для военного глаза.

— Это вам, военным, непривычно без колючей проволоки, а нам, гражданским, это очень нравится,—отвечал мудрый Печкин.—Ну ее на фиг эту проволоку.

— А грибы-то у вас есть?—спрашивает Иванов-оглы.

— А как же,—отвечает Печкин.—Мы можем по дороге в березовую рощу забежать, там всегда подосиновики растут.

— Это неправильно,—говорит Иванов-оглы,—не порядок. В березовой роще должны подберезовики расти.

— Очень может быть,—согласился Печкин.—Только в нашем Простоквашине отродясь порядка не было.

Подходят они к роще, видят ящик с гуманитарной помощью стоит.

— Выронили,—говорит Печкин.—Вчера целый день гуманитарную помощь возили. Один ящик и потеряли. Интересно, что в нем? Надо открыть.

Шарик проснулся и все слышит. Его ящик с запахом закрывался, он конец запаха зубами прихватил, не дает ящик открывать. Почтальон Печкин руку с трудом в трещину просунул и говорит:

— Что-то меховое там, наверное шапки гуманитарные.

Иванов-оглы тоже руку просунул и как раз по зубам Шарiku пришелся:

— Нет,—говорит,—там гуманитарные гвозди. Или гуманитарные вилки.

Решили они ящик до дома донести.

— А что, пускай несут,—согласился про себя Шарик”.

Они пошли вдоль речки. Печкин с ящиком, а

Иванов-оглы просто так. Печкин никак не хотел с ящиком расставаться. Надо, чтобы все понимали, что это его ящик. Он прошел немного, устал и говорит:

— Надо мне сесть на ящик, посидеть.

Шарик из ящика как закричит:

— Да ты что, совсем?! С приветом?!

Печкин испугался даже.

— Ой,—кричит,—радио заговорило!.. Гуманитарное.

Шарик спохватился и начал сообщать новости дикторским голосом:

— Вчера вечером ровно в шесть часов с приветом к избирателям обратился депутат Селедкин.

Печкин удивился страшно и спорит:

— Нет у нас такого депутата!!

Шарик в ответ:

— А я и не про вас говорю!—И дальше шпарит:— Продолжаем последние известия. Новости с полей. На полях ничего нового. Все уже убрали: и картошку, и кукурузу, и свеклу, и помидоры, и арбузы, и... бананы и... студентов.

Больше он ничего придумать не мог, никаких последних известий. А Печкин и Иванов ждут. Делать нечего, Шарик как забормочет:

— За последнее время участились случаи... Участились случаи... Участились случаи...

А какие участились, он придумать не успел. Иванов-оглы говорит:

— Заело! Надо стукнуть как следует!

— Тебя самого надо стукнуть как следует! — думает радио-Шарик”.

— Участились случаи... нападения почтальонов на собак.

Печкин даже вздрогнул:

— Чего-чего? А ну-ка, повторите. Какие случаи участились?

Шарик так неуверенно повторяет:

— Случаи нападения почтальонов на собак.

— Да нет! — кричит Печкин. — Вы все путаете! Это собаки на почтальонов нападают! У меня вон все штаны грызанные. Это какое-то противное радио. Его надо в речку выбросить.

— Да вы не нервничайте, — замечает Иванов-оглы. — Придем домой и разберемся, какое это радио. И почему оно так странно агитирует. Идти два шага осталось.

Они дальше Шарика понесли. А Шарик им стал погоду на завтра говорить:

— Ожидаются заморозки, переходящие в наводнение. Ожидается землетрясение, переходящее в солнечное затмение. Местами снег, местами град, местами кислый виноград.

У них так глаза и вылупились.

Шарику уже трудно было остановиться:

— Передаем программу на завтра. Завтра будет такая программа — закачается.

— Почему? — удивился Печкин.

Шарик и сам не знал почему. Он и ляпнул:

— Музыку будем для хромых передавать!

В это время кот Матроскин уже проснулся и завтрак готовил. Он варил кашу на молоке, целое ведро, а сам думает:

”День-два я еще выдержу. Ну три. А на неделю меня уже не хватит. При таком количестве народа целую столовую надо содержать”.

Он наскоро накрыл на стол, поставил творог, простоквашу, хлеб из магазина и с трудом горячее ведро на стол принес.

На вкусный запах стал народ подтягиваться. Скоро папа с мамой пришли, дядя Федор и тетя Тамара Семеновна. Только Шарика не было и Печкина с Ивановым-оглы.

Тетя Тамара говорит:

— Нельзя без них завтрак начинать.

Дядя Федор спрашивает:

— Почему?

— У нас в армии так принято было. Мы всем полком за еду садились.

Матроскин говорит:

— А если они с Шариком на охоту пошли, на утреннюю зорьку. И вернутся только к вечеру?

— Такие события заранее планировать надо,—говорит тетя Тамара.—Я думаю, что с этого дня мы все будем жить по плану.

Тут как раз Печкин и Иванов пришли с ”гуманитарным радио”. Они это радио еще по дороге из ящика вытряхнули—такого он им наговорил. Они тоже за стол сели, стали кашу есть и тетю Тамару слушать.

— Подъем у нас будет в семь,—говорила тетя Тамара.—Это поздновато, но для зимнего времени хорошо. После этого бег босиком по снегу полкилометра. От этого полезность идет невероятная. Потом завтрак. Потом общественная работа. Потом...

Тут из Шарика выскочило:

— Суп с котом.

— Это что, шутка?—спрашивает тетя.

— Юмор,—отвечает Шарик.

— Для юмора у нас будет определенное время,—говорит тетя Тамара.—Приблизительно с пяти до шести по субботам.

— А как мы сегодня день проведем?—спрашивает мама.

— На сегодня у нас такая программа намечена,—отвечает тетя,—Матроскина с Шариком мы бросаем в речку рыбу ловить. У нас по понедельникам будут рыбные дни. Пусть берут удочки и уходят удить.

Она посмотрела на Шарика и Матроскина и сказала:

— Возражений, конечно, нет!

Возражения, конечно, были. Особенно у Шарика, он не любил рыбные дни. Да и Матроскин не особенно их любил. Он любил молочные дни и сосисочные. Но возражать они не стали. Лучше уж на берегу с удочкой сидеть, чем устав строевой и караульной службы изучать.

— Папа с мамой займутся научным трудом. Я им шесть томов "Введения а педагогику" привезла.

Перевод с немецкого. Занимательная книга для тех, кто понимает. Не оторвешься. Возражений, конечно, нет.

Возражения были у мамы. Зачем ей педагогику изучать, когда у нее кот Матроскин такой педагог. Но она решила заняться педагогикой, чтобы папу в педагогику заманить.

Папа попробовал схитрить:

— Тамара Семеновна, зачем нам силы распылять? Давайте, мы и меня на речку "бросим" с удочкой. На рыбном фронте я больше пользы принесу. Мама Римма одна с педагогикой справится.

— Нет-нет, возразила тетя Тамара.—На рыбный фронт мы тебя с мамой в следующий понедельник "бросим". Когда вы все тома освоите. Сейчас у вас будет усиленный курс.

Она посмотрела на дядю Федора:

— Ты, дядя Федор, будешь в сарае на пианино играть по самоучителю. Пора, брат, пора!

— Но там же Мурка!—кричит Матроскин.—У нее молоко скиснет!

— Для Мурки Печкин и Иванов-оглы в огороде палатку разобьют,—возражает тетя Тамара.—Вы не переживайте, все уже давно учтено. Я над этим планом целую ночь думала.

"Лучше бы она целую ночь дрыхла!—подумал про себя Матроскин.—Есть же вот люди такие наоборотные. Чем меньше они думают, тем больше пользы".

И все приступили к выполнению задания. Шарик

с Матроскиным с удочками на реку поплелись. Какая там рыбалка, если осень на дворе. Того гляди дождик начнется. И тут полустриженный Шарик придумал. Он вернулся и попросил Иванова-оглы ему в будке дырку сделать для головы. Потом он этот ящик на себя надел, голову в дырку просунул и пошел на речку, как черепаха в своем собственном домике.

Матроскин увидел и сказал:

— А ты, Шарик, молодец, не пустая голова два уха! Здорово придумал. Я себе такую же будку сделаю. Будем мы с тобой по деревне как два пьяных робота ходить, боками толкаться.

Он быстро такой же картонный домик смастерил из ящика. Они, пошатываясь, как два качающихся робота на речку отправились. А удочки у них как антенны были.

Хорошо, что на берегу только осенний ветер гулял, рыбаков не было. А то бы рыбаки с испугу в речку попрыгали, на тот берег переплыли бы и в партизаны ушли.

Папа с мамой на сеновале устроились, тепло одеялами накрылись, взяли в руки "Педагогику" и заснули. За неделю на работе они так умаялись, сил нет. А тут свежий воздух, молоко, сено. Дядя Федор внизу по клавишам барабанит, они даже не слышат.

Дядя Федор сначала честно пытался все сделать, как в самоучителе указано. "Поставьте пальцы на ширину плеч..." А потом он стал барабанить что ни попадя. У него отличный "Первый концерт для форте-

пьяно и сарая” получился. Свою партию сарай очень хорошо исполнял—скрипел, как ненормальный.

Печкин и Иванов-оглы в огороде брезентовую палатку ставили. И Иванов-оглы Печкину случаи из военной жизни рассказывал.

— Вот помню такой случай был. Пришел приказ к нам в часть: ”Всем военнослужащим на зимнюю форму одежды перейти”. Мы с товарищем полковником всем военным и выдали зимнюю форму: валенки, ушанки, шинели теплые, всякие там бушлаты-ватники.

— И все это бесплатно?—спросил Печкин.

— Конечно, это же ведь армия.

— А нам, почтальонам, бесплатно только фуражки почтальонские выдают,—посетовал Печкин.

Иванов дальше военный случай рассказывает:

— Кажется, все тебе хорошо. А тут оттепель, да такая, что просто жара—пять градусов тепла. По такой жаре только в валенках и шлепать. И что делать?

— Валенки отобрать,—сказал решительный Печкин.—Шлепанцы выдать. Пусть шлепают.

— Тебя за такое по головке не погладят. Приказ-то был из Москвы. Другая бы товарищ полковник растерялась. А наша товарищ полковник выход нашла. Она попросила перебросить нашу часть в Мурманскую область стропила для нового склада заготовливать. А там такой мороз! Без валенка шагу шагнуть нельзя! Вот как мудро вышло. И приказ выполнили, и брусья заготовили.

— Ты ж говорил стропила!—удивился Печкин.

— И стропила тоже,—сказал Иванов.

Печкин просто потрясен был такой мудростью. А тут Тамара Семеновна подошла:

— Почтальон Печкин, оставьте вверенный вам участок работы и проведите беглый осмотр того, что сделано другими участниками трудового процесса.

Печкин оставил участок и первым делом на речку пошел к двум рыбным роботам. Подошел он к ним и спрашивает:

— Граждане сотрудники, прошу вас дать показания... то есть сведения. Сколько рыбы выловлено за истекшее время?

— Одна,—коротко, по-военному ответил Шарик.

— Прошу уточнить,—говорит Печкин.—В каких единицах ведете измерения. Что у вас одна? Одна тонна? Одна тысяча? Одно ведро?

— Одна верхоплавка,—объясняет кот.—Весом в одну тонну, размером в тысячу метров.

— Еле запихнули в ведро,—добавил Шарик.

Печкин записал это в своей книжечке и к папе с мамой пошел.

— Уважаемые, сообщите, какие у вас успехи за текущий период?

— За текущий период у нас очень большие успехи,—говорит папа.—Теленок Гаврюша один том "Педагогики" съел. Мы уронили нечаянно. Теперь умнее в десять раз будет.

Печкин и это записал в книжечку и к дяде Федору

обратился. Дядя Федор в том же сарае на фортепьяно барабанил.

— Как у вас дела, молодой человек? Что доложить руководству?

— Доложите, что соседские куры за ночь гнездо в пианино устроили. Цыплят высиживать начали. Пора музыку прекратить. Скоро цыплята будут песню крокодила Гены кукарекать.

Дальше Печкин к Иванову-оглы подошел:

— Ну как дела, боевой товарищ?

— Дела хорошие. Погода благодать! Строительство хоромов для Мурки заканчиваю. Да вот беда, пока я строил хоромы, корова Мурка целый угол у палатки сжевала. Пришлось ее метелкой стукнуть.

Печкин все, как всегда, записал. И к Тамаре Семеновне с докладом явился:

— Разрешите доложить, товарищ бывший полковник.

Она говорит:

— Докладывайте, товарищ служащий деревенской почты.

Печкин просто обалдел. Он даже и не знал, что такое почетное звание носит. Он начал докладывать, заглядывая в книжечку:

— Кот с собакой рыбу ловят в ящиках.

— Какую такую они рыбу ловят? В каких таких ящиках? Консервы что ли?

— Нет, они рыбу в реке ловят. Только сами сидят в ящиках. От ветра.

— И какой у них улов? Много наловили?

— Одну верхоплавку поймали. Весом в одну тонну. Размером в тысячу метров. Еле запихнули в ведро.

Тамара Семеновна подивилась такой верхоплавке.

— А как у дяди Федора дела? У него все в норме?

Почтальон Печкин в книжечку смотрит:

— У него все в норме. Соседские куры за ночь гнездо в пианино устроили. Цыплят высиживать начали. Цыплята скоро будут песню крокодила Гены кукарекать.

Тамара Семеновна все больше удивлялась:

— У моего любимого ординарца товарища Иванова все, я надеюсь, хорошо?

— Погода у него хорошая,—объясняет Печкин.— Строительство для хромой Мурки заканчивает.

— Почему Мурка хромая?

— Она угол у палатки съела, пришлось ее метелкой стукнуть.

— Так, а что папа и мама?—кричит тетя Тамара. У них-то я думаю все в норме? Какие у них успехи за текущий период?

— За текущий период у них очень большие успехи,—отвечает Печкин.—Теленок Гаврюша один том "Педагогики" съел. Его уронили нечаянно. Теперь умнее в десять раз будет.

— Караул!—сказала тетя Тамара и позвала к себе маму:—Я как старшая сестра тебе говорю: ты должна воспитывать не только сына, но и мужа.

— А может, не надо меня воспитывать?—говорит папа.—Мне уже скоро сорок.

— Мужчину надо воспитывать до пятидесяти,—отметила тетя Тамара,—а после уже перевоспитывать надо.

Потом она приказала:

— А сейчас перерыв на личное время. Всем отдыхать ровно шестьдесят минут.

Печкин быстренько всех обежал и в дом пригласил. Матроскин и Шарик в своих походных домиках с одной верхоплавкой на двоих явились. А что они—виноваты? Осень на дворе. Все просторы вокруг желтыми листьями усыпаны, даже речка. Какой уж тут клев.

Дядя Федор не был особенно рад. Вместо того, чтобы делом заниматься,—дрова на тр-тр Мите из леса возить, зима же на носу,—он как-то кривобоко чижи-ка-пыжика играл. Нужен ему этот чижики.

— А что потом?—спросил папа.

— Потом обед,—говорит тетя Тамара.

Это означало, что все отдыхают просто так, а кот Матроскин на кухне отдыхает за кастрюлями. И началось в нем закипать революционное возмущение. Он обед, конечно, приготовил, но мысли у него включились в неправильную сторону.

Вечером, когда все снова получили шестьдесят минут личного времени, чтобы выгладить и выстирать одежду, кот Матроскин решил создать подпольную организацию.

Он пригласил всех своих в подпол. Своими оказались: дядя Федор, Шарик, галчонок Хватайка и папа Дима.

— Вы как хотите,—говорит Матроскин,—а так жить нельзя.

— Правильно,—согласился папа.—Назревает революционная ситуация.—Низы не могут, а верхи (он постучал пальцем в потолок) не хотят жить по старому.

Галчонок Хватайка сразу закричал:

— Кто там? Кто там?

— Там они,—ответил папа,—черные полковники.

— Надо искать выход,—продолжил кот.

— Есть,—сказал Шарик.—У меня уже есть. Я уже нашел. Очень интересный выход.

— Какой?—спрашивает кот.

— Надо выдать тетю Тамару замуж.

Идея всем понравилась. Все стали в уме женихов перебирать.

— За кого?—спросил Матроскин.—Уж не за почтальона ли Печкина?

— Нет,—отвечает Шарик.—Почтальон Печкин ее не потянет. Надо ее за профессора Семина выдать. За того, который язык зверей изучает. Он недавно из Африки вернулся, я знаю. Он крокодильские диалекты изучал.

— Но как это сделать?—спрашивает дядя Федор.—Ведь они даже не знакомы.

— А так,—говорит Шарик.—Знакомство по

переписке. Мы между ними переписку наладим. Или через объявления в газете.

— Хорошо,—согласился Матроскин.—Налаживай. Какие еще будут предложения и варианты.

Папа сказал:

— Тесновато ей в Простоквашине. Ей бы на большой государственный простор выйти. Давайте ее в Государственную Думу выдвигать.

— А она справится?—сомневается Шарик.—Это ж какая работа. Это ж за всю страну думать надо!

— Она и в международном уровне справится,—говорит папа.—Она за всю планету думать может. Она там такое натворит!

— Вот пусть там и творит на международном уровне,—решил Матроскин.—А Простоквашино пусть в покое оставит.

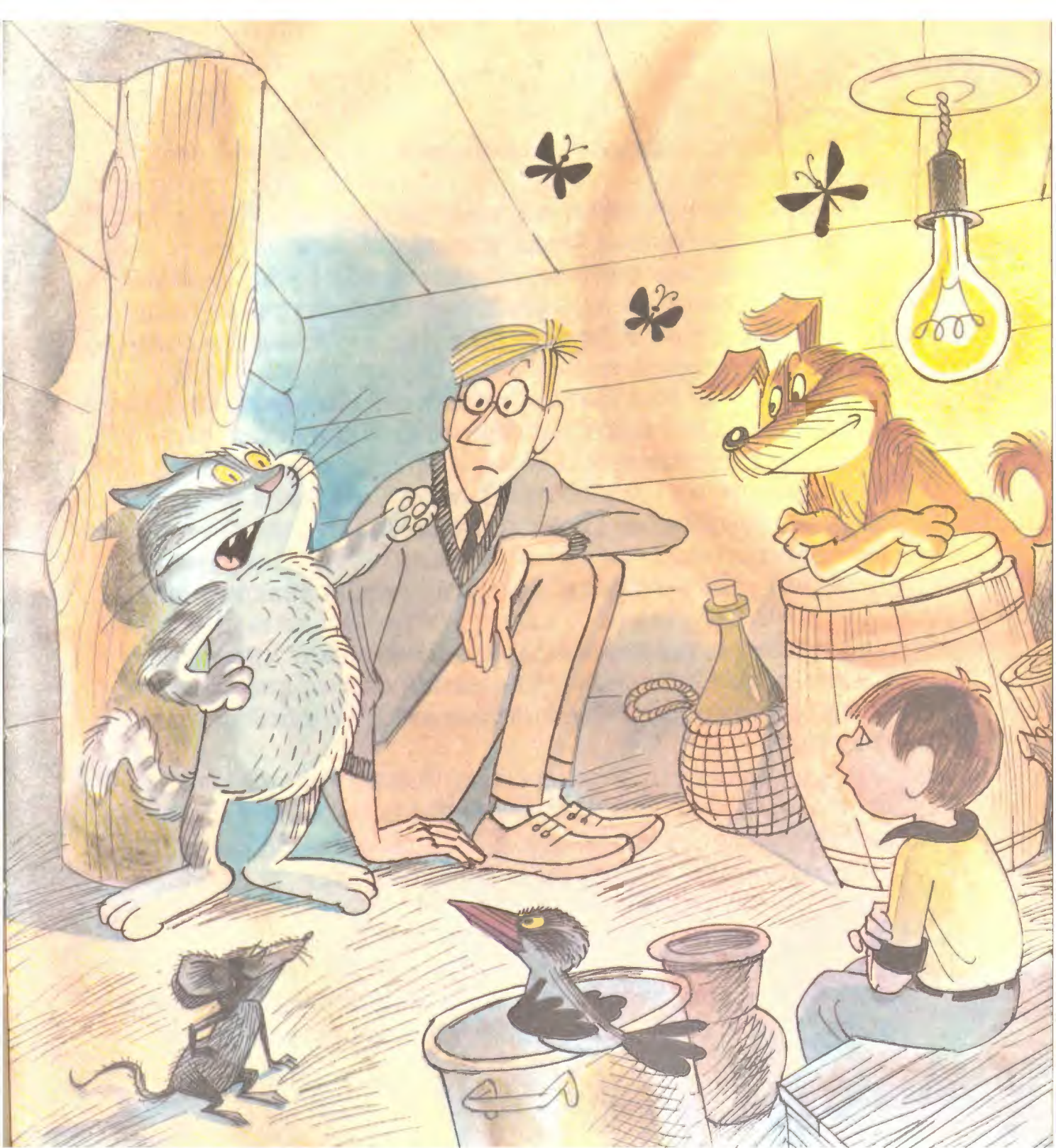
Все за работу принялись. Шарик начал переписку между тетей Тамарой и профессором Семиным налаживать. Матроскин и дядя Федор стали листовки обдумывать для выборов в Государственную Думу. А папу для воспитания на сеновал отозвали.

Тамара Семеновна тоже собрание устроила. Она собрала на сеновале всех взрослых и говорит:

— Можно, конечно, вести растительную жизнь. Жить как живется: встал, поел, поспал. Снова встал, поел, поспал.

— На почту сходил,—добавил Печкин.

— На почту сходил,—подхватила тетя Тамара.— И все! Через семьдесят лет жизнь прошла мимо.

Люди должны быть куда-нибудь нацелены. На что-то очень важное.

— Мы не ракеты,—проворчал папа,—чтобы нас куда-то нацеливать. Надо просто жить.

— Ох, Димитрий,—сказала тетя Тамара,—ты уже дожился. От тебя сын сбежал. А была бы у него цель, никуда бы он от тебя не ушел. Ну вот скажи ты мне, на что ты его нацеливал?

— На "книжку прочитать", на "в магазин сходить", на "в шахматы поиграть"...

— И только-то?! А если бы ты его нацелил к двухтысячному году космос освоить, на Луне в футбол играть с китайцами, он бы никуда бы не ушел, он был бы делом занят.

— Он бы китайский язык изучал,—сказал папа.

Письмо, которое Шарик накалякал профессору Семину, было написано на синей бумаге с цветочками. Шарик торжественно его прочитал Матроскину и дяде Федору:

— "Уважаемый профессор! Какая хорошая погода стоит в Простоквашине! Одна таинственная женщина любит гулять около речки с собачкой ближе к вечеру. Это одинокая незнакомка средних лет с хорошим знанием жизни. Закачаетесь".

Матроскин спрашивает:

— А собачка тут при чем?

— При том, что пожилые ученые-профессора очень любят дам с собачками. Я по телевизору видел.

— А что ты ей напишешь? Самой тете Тамаре?— спросил дядя Федор.

— Я уже написал,—ответил Шарик.—Вот слушайте: "Уважаемая сударыня! Если Вы возьмете с собой собачку и пойдете гулять по берегу, Вас ожидает приятная встреча. Таинственный и одинокий вечерний незнакомец".

Дядя Федор такую переписку одобрил:

— У тебя просто таинственный остров получается. Таинственно и романтично. А где она возьмет собачку?

— Она меня с собой позовет,—отвечает Шарик.— Не Матроскина же ей с собой брать.

— От такой лишайной собаки любой нормальный профессор в пять минут сбежит куда-нибудь в поля. Ищи потом, свищи этого профессора!—сказал Матроскин и решил Шарика в порядок привести.

Шарик тем временем письма в конверты положил, тоже с цветочками, и на почту побежал. Бросил их в почтовый ящик, и все стали ждать.

Глава пятая

ТАИНСТВЕННОЕ СВИДАНИЕ

К полднику все за столом собрались. Матроскин вынес большой самовар, поставил сливки и хлеб душистый из магазина. Во главе стола села тетя Тамара, а все остальные по бокам. Ждали только почтальона Печкина. Он пошел свою почту проведать.

Шарика было не узнать. Матроскин вымыл его с шампунем, завил и большой бант привязал к челке. Шарик стал похож на сильно увеличенную переспелую болонку.

Вот Печкин пришел и радостно сообщил:

— Не зря я на почту ходил. Там письма были. Одно письмо для вас, товарищ Тамара Семеновна.

— С нашей товарищем полковником всегда так, — сказал Иванов-оглы-Писемский. — Куда мы ни поедem,

ей сразу письма несут. То от начальников, то от товарищей по завхозности. И письма и телеграммы.

— Телеграмм не было,—испуганно сказал Печкин.

Тетя Тамара вскрыла конверт с цветочками, и глаза у нее полезли на лоб. Сначала она стала зеленая, наверное, от гнева. Потом синяя от удивления. Потом пунцовая от неизвестных чувств.

— Откуда это письмо?—спросил Иванов-оглы.—Из Генерального штаба?

— Не совсем,—ответила Тамара Семеновна.—От одного боевого товарища. Из разведки.

И сама на Шарика посмотрела. Шарик подумал, что это конец, что его разоблачили и насквозь видят. Но Тамара Семеновна его насквозь не видела. Ее очень заинтересовало письмо. Она прикидывала: такой нарядный Шарик сойдет ли за собачку. По ее военным понятиям, собачка—это немецкая овчарка, черный терьер или, на крайний случай, ротвейлер. Шарик был явно мелковат. Да еще бант на нем был дурацкий. Но потом она решила, что на первый раз Шарик сойдет.

На дворе тем временем осенний дождик накрапывать стал. И даже снега немного выпало. Тетя Тамара говорит:

— Ой, дорогие граждане, а есть ли у вас резиновые сапоги и плащ-палатка на третий рост?

Кот Матроскин так ехидно спрашивает:

— А вы что—в дозор собрались?

— Нет,—отвечает тетя Тамара,—но в своей

военной части я любила перед сном с собачкой прогуляться у реки. Особенно по снегу босиком.

— Собака у нас есть,—говорит дядя Федор,—а со всем остальным плохо. Нет у нас сапогов вашего размера. И снега нет.

— Жаль,—говорит тетя Тамара.—Придется прогулку отменить.

— Ни в коем случае!—кричит Матроскин.—Вы тр-тр Митю возьмите. Он вам и сапоги и плащ-палатку заменит.

— А кто это такой—тр-тр Митя?

Тут ей всё объяснили. Что тр-тр Митя—трактор продуктовый. Он везде ездить может.

Папа говорит тете Тамаре:

— Я тебе проще объясню, по-военному.

Он запел:

— Там, где пехота не пройдет
И бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползет,
Там пролетит наш тр-тр Митя.

Тетя Тамара очень обрадовалась такой возможности и по реке погулять с собачкой, и ноги не замочить. Она стала к прогулке готовиться. Надела большую шляпу с цветочками, целый газон. Губы покрасила ярко-ярко. Надела пиджак огромный малиновый вечерний и резиновые сапожки.

Вдруг она говорит:

— Ой, а где моя медаль "За военные заслуги"? Ой, а где мой значок "30 лет в боевых войсках"? Ой, а где мои клипсы в виде позолоченных гранат-лимонок? Ой, а где моя большая брошь, на которой танк Т-34 изображен?

Стали искать ее украшения и, конечно, на шкафу у Хватайки нашли. Только попробуй их заberi. Хватайка шипит, кусается.

Кое-как у него тетя Тамара медаль "За военные заслуги" отняла. А про остальное сказала:

— Ладно. Раз это так тебе нравится, пусть у тебя на шкафу хранится. Со временем мы из тебя, Хватайка, отличного почтового голубя сделаем. Или галку служебно-розыскную. А на день рождения я тебе, Хватайка, все свои значки военные подарю. У меня их дома килограмма три лежит. Когда у тебя, Хватайка, день рождения?

— У него нет дня рождения,—говорит дядя Федор. У него есть День птиц.

— Вот и отлично,—сказала тетя Тамара.—В День птиц я его значками завалю с головой.

Сумерки еще и сгущаться не думали, а она уже свистнула Шарика, завела тр-тр Митю и выехала к речке.

Шарик носился по берегу как угорелый. Вокруг пустота—ни души, только красивые поля убегают в разные стороны в окружении лесов.

Тетя Тамара с удовольствием ехала вдоль речки, как пограничник на танке. И думала:

"Как хорошо быть наедине с природой".

А у профессора Семина дома целый скандал разыгрался. Бабушка с веником его письмо прочитала и не хотела его никуда пускать.

— Это тебя какая-то аферистка заманивает. Вот женит она тебя на себе, будешь знать.

— Почему обязательно аферистка?—спрашивал профессор.—А может быть, это честная труженица колхозных полей. Или просветленная природой дачница. Им хочется культурного общения.

— Ага,—говорит бабушка,—их уже двое. Значит, это целая шайка.

Бабушка с веником с горя целый дом подмела и еще веранду.

— Ты уже не маленький, Эрик. Тебе скоро шестьдесят, ты к женитьбе должен серьезно подходить.

— Если я буду к женитьбе очень серьезно подходить, я навсегда холостяком останусь. Отвяжись, бабушка, очень меня эта таинственная незнакомка заинтересовала.

— Значит, я с тобой пойду,—говорит бабушка с веником.—Чтобы тебя не охмурили. Чтобы тебя не облапошили. На первое свидание надо с родителями ходить.

Профессор надел белую рубашку, галстук-бабочку, большие резиновые сапоги и тоже стал сумерки ждать. Как только первые отдельные сумерки забежали в воздухе, профессор вышел из дома. За ним следом выскользнула бабушка с веником. Она, верно, с этим веником не расставалась даже в постели.

Шарик тем временем намотался, набегался под дождем. Как только тетя Тамара, прогуливаясь по речке, в очередной раз проехала мимо их огорода, Шарик в дом забежал, схватил свою походную будку, напялил ее и побежал догонять тетю Тамару.

Идет себе профессор Семин по берегу в одну сторону реки—никого нет. Потом обратно—снова никого нет. Только какая-то толстая тетка на тракторе катается. А рядом сумасшедшая собака в картонном ящике носится.

Он подошел к тетке и спросил:

— Скажите, пожалуйста, вам не встречалась тут женщина с маленьким пуделем на руках?..

...Тамара Семеновна все это время прогуливалась на тракторе вдоль речки в одну сторону, в другую. Нет никакого таинственного незнакомца из разведки. Только какой-то тощенький тип из прошлых времен гуляет под прикрытием старушки с веником. И вот этот тип подходит и спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, вам не встречалась тут женщина с маленьким пуделем на руках?

Тамара Семеновна строго, по-военному ответила:

— Никак нет.

И сама спросила:

— А вы, гражданин, не видели здесь такого товарища высокого в сапогах и в плащ-палатке?

— Нет, к сожалению, я не видел такого гражданина.

И они еще долго гуляли по берегу речки. Пока совсем не стемнело.

Папа первым увидел, что операция "Знакомство" провалилась. А Шарик все кипятился:

— Мы не все детали продумали. Надо им встречу в деревенском кафе устроить. Надо их в клуб "Кому за тридцать" пригласить. Надо для них блины "семейные" устроить.

— Ничего не выйдет,—объяснял папа.—Я по себе все про любовь знаю. Когда я маму увидел, я сразу как раненый стал. У меня что-то внутри оторвалось. И я понял, что без мамы мне будет очень неуютно. Если у них так не произошло, вы их хоть клеем друг к другу приклейте, ничего не выйдет. Одни страдания.

А Матроскин подумал:

"Где ж нам столько клея взять?"

Глава шестая

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Тетя Тамара даром времени не теряла. Каждое утро она железной рукой всех куда-нибудь нацеливала. Утром во время завтрака она сказала:

— Жизнь у нас должна идти по двум руслам: по хозяйственному и по духовному. С хозяйственностью мы кое-как справляемся. Дрова мы заготовили, грибы, корову сеном мы обеспечили.

”Ничего себе ”мы”, ничего себе ”обеспечили”!— подумал Матроскин.— Когда это я один все лето спины не разгибал”.

Тетя продолжала:

— А вот с духовным руслом у нас дела обстоят хуже. Скажи мне, Шарик, когда ты в последний раз читал труды академика Павлова?

Шарик стал вспоминать. Он много трудов вспомнил, но труды академика Павлова как-то не всплыли. Шарик даже покраснел от размышлений. Он стал красный, как морковка ближе к свекле. Только из-за его повышенной мохнатости никто не увидел, как ему стыдно.

— Или ты, Матроскин,—говорит тетя Тамара,—как часто ты заглядываешь в книги товарища Мичурина? Это был садовод такой прогрессивный. Мне в армии про него много рассказывали. Особенно про его трагическую гибель.

— А как трагически погиб товарищ Мичурин?—спросил бывший ординарец Иванов-оглы.

— Упал с выращенной им клубники... Или с огурца. Представляете, какой это был огурец!

— Скользкий,—говорит Шарик.

— Не скользкий, а гигантский!—поправила его тетя Тамара.—Одним таким огурцом можно было всю деревню Простоквашино накормить. А ты, дядя Федор, становишься у нас Иваном, не помнящем родства,—продолжала она.—Как у тебя обстоят дела с русской историей? Когда ты в последний раз ходил в патриотический поход по родному краю?

— Я каждый день хожу в патриотический поход по родному краю, когда в соседнее село Троицкое за хлебом иду,—отвечает дядя Федор.—Особенно зимой, когда снегу по колено.

Кот Матроскин тихонько так говорит дяде Федору:

— Все, я больше не могу. Я забираю Мурку с

Гаврюшей и уйду в патриотический поход. Я знаю один дом, где лесники живут.

— Нельзя,—говорит дядя Федор.—Папа и мама здесь одни пропадут.

— А мы их с собой возьмем.

— Нет,—говорит дядя Федор.—Мы не должны сдавать наше Простоквашино. Мы сейчас выборами займемся.

— Слушайте,—вдруг вступил папа.—А наш Шарик совсем про свое фоторужье забыл. Почему бы тебе, Шарик, не выпустить патриотическую стенгазету?

— Какую такую стенгазету?—не понимает Шарик.

— А такую,—объясняет папа.—"Военные уходят на пенсию, но не сдаются!" И десять фотографий тети Тамары за работой по воспитанию молодого поколения.

— Это мысль!—поддержала мама.—Тетя Тамара сейчас так хорошо выглядит на свежем воздухе. Очень она фотогеничная стала.

Тетя Тамара застенчивалась немного, но спорить не стала. Мысль о военных пенсионерах, которые не сдаются, показалась ей прогрессивной и воспитательной.

Ординарец Иванов-оглы сказал:

— Эх, жаль, что у меня во время службы фоторужья не было. Я бы столько военного патриотизма наснимал. Помню случай у нас был с товарищем полковником, аккуратно под новый год. Пришел приказ списать старые танки.

В это время почтальон Печкин подошел. Он даже поразился:

— Неужели наша армия на старых танках воюет?

— Нет,—объяснил Иванов-оглы.—Это только так говорится "старые танки". А они совсем новые, в масле, даже не надеванные. Просто у них гарантийный срок кончился.

— Вот бы мне такой танк ненадеванный!—сказал Печкин.

— Зачем?—удивились все.

— Почту развозить. От собак отбиваться, от мафии. Да мало ли что, где дачники в машине застрянут, так я их танком вытащу. Я такой бизнес открою по вытаскиванию. У нас дороги, сами знаете, какие! А еще охота... на кабана там, на утку!

— На утку с истребителем охотиться надо!—проворчал Матроскин.

А Иванов-оглы продолжал:

— Надо танки списать. Это ж море работы. Их надо отвезти на завод танкоразрезательный. Перевозка денег стоит. Там разрезать на части. Разрезка денег стоит. Части надо переплавить на слитки. Переплавка денег стоит. А слитки надо продать секретному танко-тракторному заводу для производства новых танков. А платят за эти слитки чепуху. Одни расходы получают. Другой бы товарищ полковник растерялся. А наша товарищ полковник выход нашла.

Тут тетя Тамара вмешалась:

— Знаешь что, Иванов, ты эту историю без меня расскажи. А то мне неловко, что при мне меня хвалят. Я пойду пока в огород хозяйством займусь.

Она вышла из домика и стала яблоню раскачивать, на которой последнее яблоко висело. Иванов продолжал:

— Как вы думаете, что же она придумала?

Все спросили:

— Что?

— Она придумала эти танки врагам сдать.

— Каким врагам?

— "Синим".

— Что это за враги такие синие?—спросил Печкин.—Мороз что ли был?

— При чем тут мороз?—удивился Иванов-оглы.— Просто у нас были военные учения. Мы были "зеленые", а они "синие". Вот мы им танки и сдали. Они—военные десантники.

— Значит, вы проиграли учения?—спросил папа.

— Ну да.

— Военные учения надо выигрывать,—говорит Печкин.—Это же очень плохо, что вы их проиграли. Непатриотично.

— С тактической точки зрения это непатриотично: им дали почетные грамоты, а нам нет. Но со стратегической это хорошо. Потому что они с этими танками полгода мучились, пока переплавили. А мы даже премию получили за экономию средств. И еще товарищу полковнику значок вручили "Спасибо" третьей степени.

Он так закончил:

— Нет, вы со мной не спорьте: ваша тетя Тамара—большого государственного ума человек.

С ним спорить никто и не собирался.

— Мы с ней одних валенок за прошлую зиму штук двести сэкономили. А уж про шапки с ушами я молчу. Мы с ней на одном сырье можем три года жить. И еще сэкономить.

Шарик немедленно схватил фоторужье и пошел эту государственного ума женщину фотографировать. Она шаг, и он шаг. Она к яблоне подойдет, и он к яблоне. Она в коровник Мурку погладить, и он в коровник. Она идет с лопатой в огород, он следом.

Шарик, конечно, набегался за день. Но больше никто его в речку на заготовку рыбы не "бросал". А Матроскина "бросили" в лес на заготовку лесных грибов—опят.

Папу с мамой опять "бросили" на педагогику: последние четыре тома осваивать. А Печкин и Иванов-оглы получили указание перенести пианино из сарая в палатку, а оставшееся время использовать для общения с природой путем "побелки яблонь от кроликов и других насекомых".

— Я думаю нам не удастся использовать время для побелки от кроликов,—сказал почтальон Печкин.

— Почему?—удивился ординарец Иванов.

— Я слышал, это пианино на станции четыре здоровых грузчика двигали. А нас только двое. Мы

весь день его толкать будем, мы умрем, а пианино с места не стронем.

— Эх, Печкин, Печкин,—говорит ординарец Иванов. — Нет у вас гражданской широты мышления. Не видите вы ясных горизонтов.

— А вы видите ясные горизонты?

— Видим. Мы военную хитрость применим,—говорит Иванов-оглы.—Мы будем по очереди то один конец пианино поднимать, то другой. И будем так шагать, пока в палатку не пришагаем.

А пока они так пианино двигали, Иванов-оглы всё Печкину случаи из военной жизни рассказывал.

— Вот помню, наш полк отрабатывал приземление на парашютах в болотных условиях. Мы всем моторизованным полком должны были в одной лесотундре приземлиться. А где ж на тетю товарища полковника парашют взять? Она же у нас двухгабаритная. Ее вертолет и так еле-еле поднимает. Другой бы товарищ полковник растерялся. А наша товарищ полковник не такая. Она нашла выход.

Тут даже папа встрял. Он закричал из сарая:

— Что же она придумала? На веревке спускаться?

— Какая там веревка с двух тысяч метров!

— Так что же она—на фанере планировала?—кричал папа.

— Ничего подобного. Она в самоходку села и в ней летела до земли. Мы самоходки тоже на парашютах сбрасывали.

— Фантастическая женщина!—поразился папа.

К вечеру фотографии фантастической женщины были готовы. Папа сходил на почту к почтальону Печкину и купил у него два старых плаката "Прячьте спички от детей". Он эти плакаты соединил и вверху большую надпись сделал:

"ВОЕННЫЕ ПЕНСИОНЕРЫ В МИРНОМ БОЮ".

Потом он фотографии тети Тамары приклеил. И написал:

"Тетя Тамара—военная патриотка—гладит своею рукою корову".

"Тамара Семеновна Ломовая-Бамбино из патриотических побуждений прививает на яблоню лимон".

"Тамара Семеновна Бамбино объясняет почтальону Печкину основы почтового дела".

"Тамара Семеновна Бамбино дает первые уроки музыки способному сельскому мальчику".

"Тамара Семеновна смотрит назад, но видит будущее".

А вокруг фотографий бушевало пламя с плакатов про спички, и все получилось очень патриотично и зажигательно. Такая вышла яркая и сочная стенная газета.

Тетя Тамара собрала всех простоквашинцев у этой газеты и говорит:

— Мне, конечно, неловко, что все это про меня написано, что другие участники коллектива фотографиями не охвачены. Но для первого раза этот воспитательный эксперимент мы будем считать удачным.

Следующий выпуск, я думаю, можно посвятить домашним животным.

— Это кому? — подумал кот Матроскин. — Корове Мурке что ли?

Глава седьмая

В ПРОСТОКВАШИНЕ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН

С тетей Тамарой никому скучно не было. Однажды она говорит:

— Нет, без постоянной связи с Генеральным штабом военных пенсионеров мне жить как-то неудобно. Поеду я в районный центр телефон устанавливать.

”Мы сто раз пробовали,—подумал про себя Матроскин.—У нас ничего не получилось. Пусть теперь наша танковая тетя попробует”.

Тамара Семеновна надела все свои награды, пошла на остановку автобуса и с утра пораньше уехала. С нею вместе, разумеется, уехал Иванов-оглы.

Как только они уехали, все жутко обрадовались.

Во-первых, все спали, сколько хотели.

Во-вторых, завтракали целый час.

В-третьих, после завтрака в карты играли и в лес ходили гулять. И никого не "бросали" на дрова, на рыбу, на педагогику и на пианино.

Шарик решил образование Хватайки заняться. Он стал его новым словам учить.

Сидит он рядом с Хватайкой и тарабанит: "Сам ты! Сам ты! Сам ты! Сам ты!"

Дядя Федор спрашивает:

— Это зачем?

— Как зачем?—отвечает Шарик.—Я тут недавно пришел из леса, вижу у окошка мальчик городской стоит, племянник профессора Семина. Стоит и Хватайку дразнит: "Курица ты, курица!" Хватайка в ответ только спрашивает: "Кто там?" да "Кто там?". А если бы он умел "Сам ты!" говорить, он бы ответил: "Сам ты—курица".

— Ладно,—говорит дядя Федор,—учи его этим словам. Любое учение в жизни пригодится.

Потом всей семьей ходили гулять. А когда с прогулки пришли, папа взял самую лучшую фотографию тети Тамары, наклеил ее на лист бумаги и квадратными буквами написал:

"Кандидат в городскую Думу Т.С.Ломовая-Бамбино".

Мама была потрясена:

— Мою сестру Тamarочку выдвинули! Когда же это случилось? Было собрание избирателей? Где?

— Было,—ответил папа.—У нас в погребе. Собиралась инициативная группа.

Он стал дальше писать:

— "Она—военная пенсионерка. Закончила службу в армии в звании полковника. Строга и выдержанна". Правильно?

Все согласились, что это правильно. Папа продолжал:

— "Имеет колоссальный опыт хозяйственной работы. Уверена в себе".

— Как танк!—сказал дядя Федор.

Папа дописал:

— "Уверена в себе, как танк. В Думе будет представлять интересы сельских жителей".

— И женщин,—добавила мама.

— "Сельских жителей и женщин",—добавил папа.

— Клянется, что будет уважать собак!—вставил Шарик.

— И других домашних животных!—предложил Матроскин.

Папа подумал и дописал. Получилось так:

— "Уверена в себе, как танк. В Думе будет представлять интересы сельских жителей и женщин. Клянется, что будет уважать собак и других домашних животных". Что еще?

— Надо добавить про личную жизнь,—сказала мама.—В детстве она много читала. На танцульки не ходила. Поэтому замуж и не вышла.

— "В детстве она много читала,—добавил папа.—Поэтому не вышла замуж". Что еще напишем?

— О правительственных наградах надо,—подсказала мама.

— А какие у нее награды?

— У нее одних значков килограмма три,—говорит Шарик.—Она ими может Хватайку с головой завалить.

Папа так и написал. А потом добавил:

— "Все на выборы тети Тамары!"

Кажется, получилось неплохо.

— Теперь я все сначала прочту,—сказал папа.

Он прочитал:

— "Кандидат в городскую Думу Т.С.Ломовая-Бамбино.

Она—военная пенсионерка. Закончила службу в армии в звании полковника. Строга и выдержанна. Имеет колоссальный опыт хозяйственной работы. Уверена в себе, как танк.

В Думе будет представлять интересы сельских жителей и женщин. Клянется, что будет уважать собак и других домашних животных.

В детстве она много читала. Поэтому не вышла замуж.

Имеет правительственные награды. У нее одних значков военных килограмма три. Можно ими с ног до головы небольшую ворону завалить.

Все на выборы тети Тамары!"

— Теперь все правильно?—спросил папа.

— Теперь все правильно,—сказали все.

Папа взял ведро с клеем, которое от шариковской будки осталось, ушел на почту и там на входную дверь эту листовку приклеил.

Через час почтальон Печкин прибежал.

— Знаете, какая новость! Нашу тетю Тамару в городскую Думу выдвинули.

— Кто выдвинул?—спрашивает папа.

— Не знаю,—отвечает Печкин.—Может, народ, а может, президент Ельцин. Только ее фотография во все лицо у нас на двери почты висит. Еле-еле двери хватило.

— И что там написано?—спросил папа.

— Написано, что она умная, как танк. И будет защищать домашних животных. И еще, что много в детстве читала, поэтому ее никто замуж не берет.

Умная тетя Тамара в это время в районном центре на телефонном узле выбивала телефон.

Начальник телефонного узла говорил:

— А что мы можем поделать? У нас точек не хватает.

— У вас, товарищ Федоров, не точек не хватает,—объясняла ему Тамара Семеновна,—у вас шариков не хватает. Вы первым делом должны пенсионеров обслуживать, а вы коммерческие ларьки обслуживаете.

”Какая противная тетка с медалями!—думал про себя товарищ Федоров.—Откуда она все знает?”

А тетя Тамара оттуда все знала, что она первым делом разведку среди старушек в очереди провела. Старушки ей все и доложили.

Товарищ Федоров пробовал сопротивляться:

— А у меня главный телефонист Куценкович в отпуск ушел. Работать некому.

Но тетя Тамара была не промах. Она все знала:

— Это верно, главный телефонист Куценкович в отпуск ушел. Зато запасной телефонист Косолапченко из запоя вышел. Есть кому работать. И ученик Савельев простую работу может выполнить.

На это товарищ Федоров просто глазами похлопал, но ничего сказать не мог.

— В общем, я военная пенсионерка,—объяснила ему тетя Тамара,—и с вами чикаться и чирикаться не собираюсь.

Товарищ Федоров не очень ясно представлял что такое "чикаться и чирикаться", но понимал, если с ним не будут "чикаться и чирикаться", то ему будет плохо. Уж лучше бы с ним "чикались и чирикались".

— Итак, мы ждем!—сказала Тамара Семеновна.

— Сделаем все, что в наших силах!—пообещал товарищ Федоров.

Тетя Тамара пожала руку товарищу Федорову. От ее рукопожатия он присел и потом целых полчаса не мог свои пальцы расклеить.

Тихо и хорошо в Простоквашине. За окном первые снежинки пролетают. Поздний вечер то надвинется, то опять отойдет, чуть-чуть за окном посветлеет. Сидят за столом папа, мама, дядя Федор, Матроскин и почтальон Печкин—в лото играют.

Галчонок Хватайка им сильно мешается. То одну фишку схватит, то другую. И все за ним бегают, отнять хотят.

Вдруг раздается страшный шум, и входит в дом разгневанная тетя Тамара с дверью от почты в руках.

— Смотрите, что творится! Меня без моего ведома куда-то выдвинули! Это же катастрофа!

Она так дверью размахивала, что почтальона Печкина чуть-чуть с ног не сбила.

Тут Печкин возмутился:

— Что вас куда-то выдвинули без ведома—это пустяки. А то, что почта без двери осталась,—это по-настоящему ужасно! Там одних конвертов рубля на четыре лежит. А клей канцелярский! А скрепки!

Он дверь у тети Тамары выхватил и упал с ней.

А когда он упал, все увидели, что с другой стороны двери другой кандидат наклеен:

”Господин Толстов А.С.—президент объединения ”МННГ” (”Мыло-Нефть-Нафталин-Гуталин”). Образование высшее техническое, правительственных наград не имеет”.

Все сначала прочитали про нефтегуталинного кандидата, потом подняли почтальона Печкина, и он с Ивановым-оглы пошел дверь на место ставить.

Мама с папой стали тетю Тамару успокаивать.

— И чего ты переживаешь,—говорит мама.—Ну выдвинули тебя. Это же хорошо. Значит, люди в тебя верят.

— Да,—говорит тетя Тамара,—а почему они пишут, что я много читала, а потому не вышла замуж. Я не потому не вышла замуж, что много читала, а потому что мужчины совсем измельчали.

— Так чего же ты удивляешься,—объясняет папа,—что тебя в Думу выдвинули. Неужели этих мелких мужичков выдвигать? На тебя вся надежда.

После таких слов тетя Тамара успокоилась и даже развеселилась немного: .

— А что? Я им всем в Думе покажу! Пожалуй, я в городе наведу порядок.

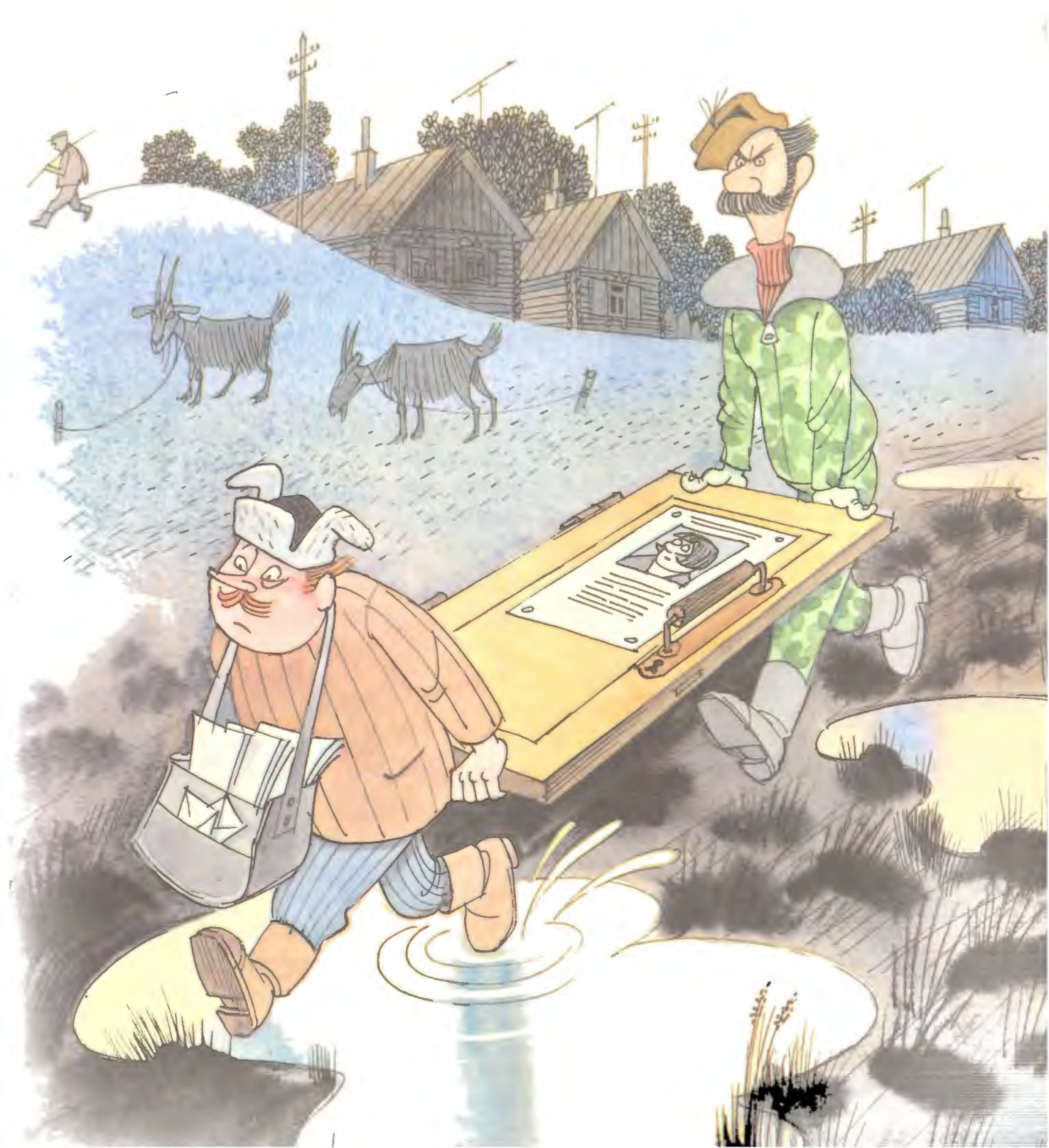
”Вот и хорошо,—подумал про себя Матроскин.— Пусть там всем показывает. А мы здесь немного отдохнем от ее показательных выступлений”.

Иванов-оглы и Печкин шли и дверь тяжелую несли. На улице еще немного стемнело. Совсем немного. Но от этого так темно стало, что, если дороги не знать, можно совсем в другую сторону уйти, например в лес.

Снежный дождик накрапывал. Капли дождя на тетю Тамару падали. Тогда они дверь перевернули тетей Тамарой вниз. Пусть тетя Тамара сохнет. Пусть Толстов А.С. промокает.

Иванов-оглы-Писемский опять истории рассказывал про военную жизнь.

— Как сейчас помню зима, метели, мороз. Местами на дорогах гололед. И вдруг телеграмма приходит: ”Смотр на плацу провести, новичков начальству

показать. Как они маршировать научились”. Интересно?

— Захватывающе,—отвечает Печкин.

— Только как их показать, когда гололед в городе. А на плацу особенно. Шаг шагнешь и катишься,—говорит Иванов.

— Надо плац песком посыпать,—предложил Печкин.

— Можно,—согласился оглы.—Только нельзя. Этот плац катком был одновременно. Офицерские дети там катались. И хоккей проводился.

— Как же быть?—спросил потрясенный Печкин.

— А так. Хоть плачь. Нельзя же учебный марш на коньках проводить. Или там босиком.

— Ну и что вы придумали?

— А то. Тамара Семеновна дала указание всем солдатам наждачную шкурку на сапоги приклеить наждаком вниз. Они и приклеили. Никакой лед им стал не страшен. Прошли они перед строевой комиссией, как по асфальту. Никто не скользнул даже. Ну как? Интересно?—спрашивает Иванов.

— Поучительно,—отвечает Печкин.

— А один член комиссии по маршированию был недоволен. Он на лед выскочил и как закричит:”Как вы ходите? Кто ж так ходит? Эх вы, военные солдаты! Вот как ходить надобно!” Два шага шагнул и как шлепнется! Другие члены комиссии к нему побежали на выручку, и тоже все вмиг свалились. Пришлось их со льда крючками доставать и баграми учебными.

— И что комиссия: осталась довольна?—спросил Печкин.

— Да, она все поняла,—ответил Иванов-оглы.— И вынесла товарищу полковнику благодарность в виде значка и Почетной грамоты.

Тут они на почту пришли и дверь на место поставили.

Глава восьмая

К НАМ НАМЕЧАЮТСЯ ОХОТНИКИ

На другой день снежный дождик усилился. Все вокруг белым стало и мокрым. И поля, и деревья, и заборы. Только одна речка черной оставалась. Поэтому никого никуда не "бросали". Ни на рыбу, ни на грибы. Каждый своим делом занимался.

Дядя Федор решил галчонка Хватайку акварелью раскрасить. Чего это он у нас черный? Пусть хоть недельку побудет экзотической птицей. Пусть посверкает всеми цветами радуги.

Он краски принес, достал кисточки и стал Хватайку малевать. Хватайка не спорил. Жалко что ли. Он только все время за кисточку кусался. А иногда краску из коробочки хватал и старался в суп запихнуть.

Дядя Федор сделал ему клюв золотым. Крылья—

зелеными. Лапы серебристой краской покрасил. Хвост у Хватайки стал фиолетовым, как у павлина, грудь малиновой, а спина синей. Черной у галчонка только шапочка на голове осталась.

Получился галчонок диво как хорош. Ни в одном птичьём учебнике такой красивой птицы не встречалось. Дядя Федор был очень доволен.

Хватайка тоже был доволен. Он целых четыре квадратика краски по разным посудинам расписал. Особенно суп хороший получился гороховый. Он туда синюю краску сунул.

Шарик говорит:

— Если, Матроскин, тебя так раскрасить да на Гаврюшу посадить, отличный клоунский кот получится.

— А если тебя так раскрасить,—говорит Матроскин,—отличная реклама выйдет: "Я у мамы дурочка".

— Почему дурочка?—спрашивает Шарик.—Может быть, я у мамы дурачок?

— Дурачок ты у мамы и без раскрашивания,—объяснил ему Матроскин.

К этому времени из города приехал запасной телефонист Косолапченко телефон устанавливать и с ним ученик Савельев.

Они с опаской смотрели на тетю Тамару и на бычка Гаврюшу. А ученик Савельев все поглядывал еще—что бы утащить. Он хоть был ученик, но лет ему уже было много. Возраст у него был ближе к пенсии, чем к стипендии. Глубоко за пятьдесят ему было.

Пока запойный Косолапченко провода от почты по деревьям тащил, ученик Савельев все телефонный аппарат протирал. Хорошо протер. И все глазами зыркал.

Смотрит, сидит на подоконнике невиданной красоты иноземная птица. Клюв золотой, лапы серебряные, вся цветная. И так красиво не по нашему крикает: кар да кар!

— Вот это да! — подумал ученик Савельев. — Да за такую птицу на нашем колхозном рынке можно сразу тысячу рублей получить”.

Он к Хватайке подошел и спрашивает:

— Ты кто?

Хватайка молчит. Савельев опять спрашивает:

— Ты кто, удо́д или павлин?

Хватайка отвечает:

— Сам ты — удо́д!

— Чего? Чего? — обиделся Савельев. — Это я — удо́д?

— Ага, — говорит Хватайка. — И павлин!

— А ты говорилка глупая! — кричит Савельев.

— Сам ты гаврилка глупая! — кричит Хватайка.

Савельев обиделся. Когда все отвернулись, он Хватайку схватил и в сумку с инструментами запихнул.

Папе с мамой и тете Тамаре было не до Хватайки. Они никак не могли понять, почему у них индийский чай стал фиолетовым. А суп гороховый — синим.

— Может быть, ты, Римма, много перца положила? — спрашивала тетя Тамара.

— Я перца вообще не клала,—отвечала мама.
— Может быть, это кастрюля такая синяя?
— Да нет,—возражает мама.—Кастрюля как кастрюля. Обыкновенная. Я в ней всегда варю.
— Значит, долго варили,—сказал папа.
— Почему это ты так решил?—спросили обе женщины.

— Не зря же в поваренной книге сказано: "Засыпать горох и варить до посинения".

Тут телефонный мастер Косолапченко телефон включил. И он сразу звонить начал:

— Пригласите для разговора кандидата в Думу Ломовую-Бамбино Т.С.

— Товарищ Ломовая-Бамбино у аппарата.

— Товарищ Ломовая, в сельском клубе села Троицкое состоится регистрация кандидатов в городскую Думу. Вам необходимо срочно явиться.

— Очень хорошо. Когда состоится явление?

— Завтра в четырнадцать часов.

— Спасибо. Я обязательно "явлюсь",—сказала тетя Тамара.

Но телефон не успокоился, снова зазвонил:

— Товарища полковника Ломовую пригласите для разговора.

— Товарищ полковник слушает.

— Товарищ полковник, к вам направляется делегация военных пенсионеров-охотников. У них есть лицензия на отстрел кабана и лося. Просим принять делегацию.

— Ваша телефонограмма понята. Делегация будет принята.

Матроскин за голову схватился. Он говорит Шарику:

— Нам только военных пенсионеров не хватало! И так никакого житья нет.

— А что?—отвечает Шарик.—Они этому кабану покажут как следует. Мимо оврага пройти невозможно. Как не пойду я с фоторужьем в поля, так он за мной со своими клыками бежит. Два раза меня на телеграфный столб загонял.

— Конечно, они ему покажут,—говорит Матроскин.—Застрелят его к чертовой матери.

— Как застрелят? Как так застрелят?—поразился Шарик.—Кто ж им позволит?

— А никто. Ты же слышал—у них лицензия есть.

— Они и в лося стрелять будут?

— И в лося. На то они и охотники.

Шарик сразу закручинился и решил придумать какие-нибудь специальные противоохотничьи меры.

Телефонисты попрощались и стали уходить.

— Вы ничего не забыли?—спрашивает тетя Тамара.—Инструменты какие-нибудь.

— Не беспокойтесь, мамашенька,—подхалимски отвечает ученик Савельев,—у нас все здесь.—И по сумке с инструментами постучал.

Хватайка из сумки кричит:

— Кто там? Кто там? Кто там?

— Да, кто это у вас там?—спрашивает тетя Тамара.

Савельев так испуганно отвечает:

— Никого, мамашенька, у нас там нет. Кто же это может быть у нас там? Кто там?

А из сумки слышится:

— Это я—почтальон Печкин. Принес журнал "Мурзилка".

Ученик Савельев забормотал:

— Это радионаводки. Это обман зрения. Это обман слуха.

А галчонок из сумки вопит:

— Сам ты—обман зрения! Сам ты—обман слуха!

Тут Шарик как психически закричит:

— Ага, воришка! Хватайку хотел украсть! Застрелю!—И свое фоторужье схватил.

Как телефонисты испугаются, как побегут.

Тамара Семеновна как скажет:

— Стой. Фотографировать будем!

От этого окрика они еще больше испугались и еще шибче побежали. Они быстрее чем телеграмма в районный город сами себя доставили.

И еще долго рассказывали там другим телефонистам, какую строгую женщину-генерала в Простокваши-не видели. И другие телефонисты в ужас приходили. А тетя Тамара в самом деле была очень добрая. Просто она жуликов не любила и проходимцев.

Глава девятая

КАНДИДАТЫ В ДЕПУТАТЫ

В клубе села Троицкое было не продохнуть. Все местное население собралось. Так интересно с кандидатами раз в жизни встретиться и сразу обо всем поговорить.

И вокруг клуба было не продохнуть. Там мужики курили. И все были нарядные: в телогрейках, в шапках и побритые. Рубашки на них были белые.

Женщины платки яркие вокруг себя повязали, ходили и улыбались. Ведь на каждый день на селе такой хороший религиозный праздник—встреча с кандидатами.

На сцене стоял длинный стол, покрытый зеленой скатертью. За столом сидела тетя Тамара и кандидат Толстов А.С. Тот самый, который мылом и нефтью

командует. Тетя Тамара сегодня больше тетю напоминала, чем полковника. Она была красиво накрашена и была в вечернем шелковом платье без погон. И глаза у нее под черными бровями сверкали как антрацит.

Если бы профессор Семин сейчас бы ее увидел, а не тогда, когда она на тракторе каталась, он бы в нее сразу влюбился. Хоть она и была без собачки.

А если бы избиратель, который сюда пришел, не читал объявление про кандидатов у входа, он бы подумал, что это русская народная певица приехала к ним на село цыганские романсы петь.

Папа с мамой в зале разместились. Там же были Печкин с Ивановым-оглы. Матроскин с Шариком сбоку за сценой пристроились. Шарик говорит:

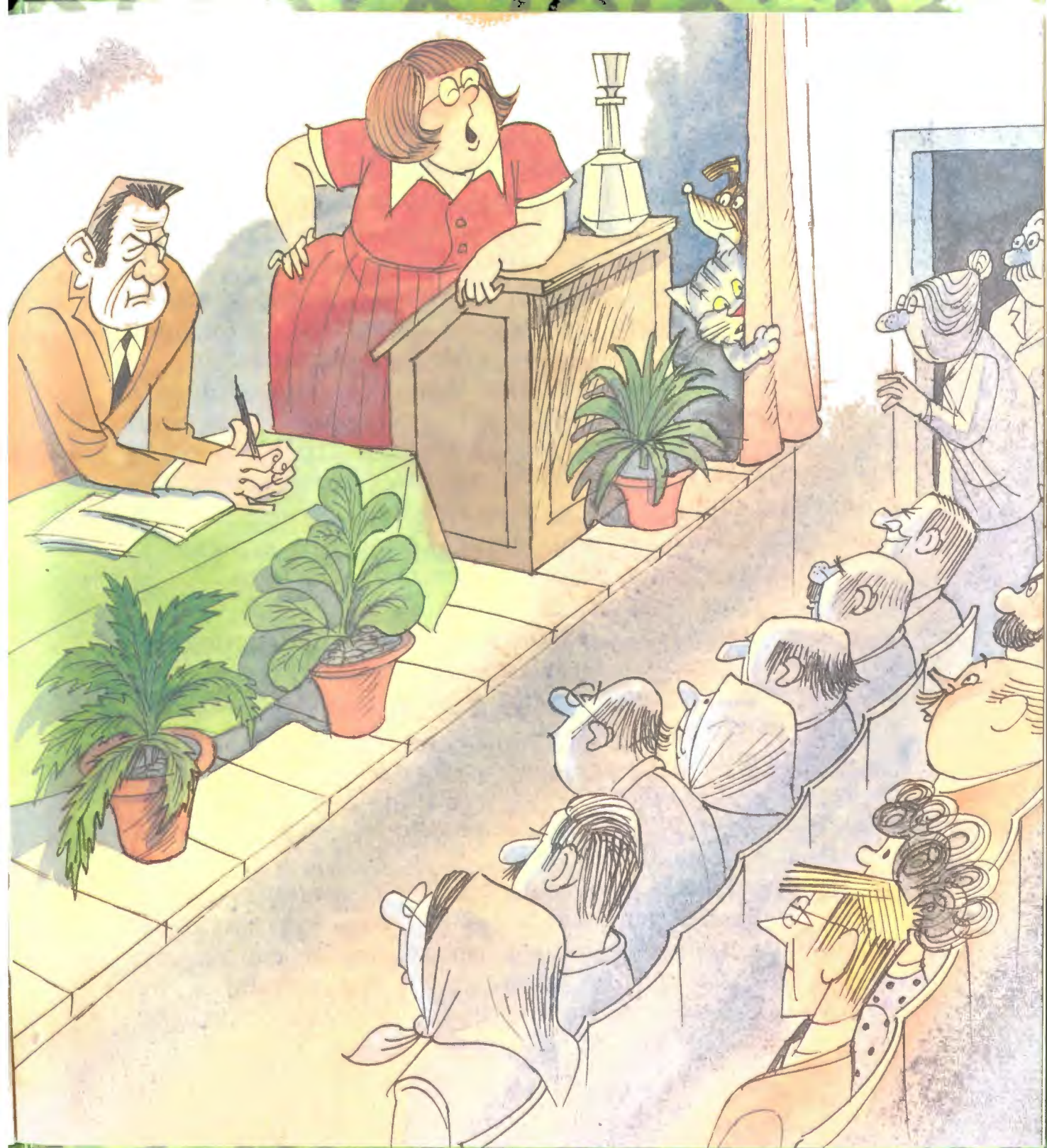
— У тети Тамары должно быть доверенное лицо. Так по выборам положено. Это лицо всюду с депутатом ездит и о депутате хорошие слова говорит. Я мог бы таким лицом стать.

— Понимаешь, Шарик,—говорит Матроскин,—если тебя побрить и завить как следует, все равно не получится из тебя лицо. Из тебя собачья морда так и прет.

— А из тебя, Матроскин, вредность прет!—обиделся Шарик.

Кандидаты начали перед избирателями выступать. Первой была тетя Тамара. Она так заговорила:

— Дорогие односельчане, мы с вами ясно понимаем, чем богаче страна, тем богаче мы. Поэтому все лишние деньги надо отдавать государству. Чем больше

налогов с нас берут, тем лучше. Каждый лишний рубль мы должны отдавать стране. Потом она вернет нам эти деньги! Она даст нам бесплатные поликлиники, бесплатные школы, бесплатные пенсии, бассейны и прочее. Вы согласны? Голосуйте за меня!

Все подумали, стали согласны, и все решили голосовать за тетю Тамару Семеновну. А второй кандидат Толстов А.С. никак не был согласен:

— Дорогие односельчане! Ничего не надо отдавать государству. Все надо оставлять себе. Не бывает лишних рублей! Чем богаче мы, тем богаче страна. А когда мы богаты, нам не нужно бесплатных поликлиник, мы в платные пойдем. Не нужны нам бесплатные школы, у нас будут богатые и хорошие. Голосуйте за меня!

Все подумали и решили голосовать за него.

Тетя Тамара снова говорит:

— А армия? Кто ее будет содержать? Торпедные катера и аэродромы. Они же денег требуют. А самоходки, а противолодочные ракеты типа ПР-41-ба-бах? Их же содержит государство!

Все решили:

— Да, она права. Нам без торпедных катеров и аэродромов никак нельзя. Особенно без этих ба-бах-41 раз. Будем голосовать за нее.

Но вредный и противный Толстов говорит:

— Дорогие односельчане! Я вот тут походил несколько дней по нашим просторам и ни одного торпедного катера не увидел. И аэродромов я не встречал. И самоходок с противолодочными ракетами!

Старики говорят, что и раньше их не было. Может быть, мы и без них проживем?

Все подумали и решили:

— А что? Он прав. Жили мы без этих аэродромов и катеров как люди. И дальше жить сможем.

Шарик не выдержал и говорит Матроскину:

— У меня голова пухнет. Того послушаешь—тот прав. Ее послушаешь—она права. Пойду-ка я домой.

Матроскин отвечает:

— И я домой пойду. Только он больше прав. Он за тех заступает, кто много работает и много хочет иметь. Он за таких, как я.

— А она за таких, как я!—кричит Шарик.—Потому что ты корову имеешь и теленка. А я ничего не имею. Мне только на государство надеяться надо.

— Знаешь ты кто такой?—говорит Матроскин.—Ты—”пролетарий всех стран, соединяйтесь”. Пролетал по жизни как бабочка и не заработал ничего.

— А ты куркуль, вот ты кто.

Матроскин не знал, кто такой куркуль. Он только сумел представить себе целый кулек куриц и больше ничего. Но он понял, что это что-то очень обидное.

Пришли они домой, с друг другом не разговаривают. И все больше друг на друга злятся.

— Глаза бы мои на тебя не глядели,—говорит Шарик.—Ты на мою половину избы лучше не заходи.

— А где твоя половина избы?—спрашивает Матроскин.

— Я сейчас ее отделию,—отвечает Шарик. Он взял кусок мела и провел черту через всю избу.

— Все, что с этой стороны, где кровать с колесиками, это—мое. А что с другой стороны, где лавка с ведрами,—твое.

Он подумал еще и говорит:

— Мало того, с тобой и огород еще поделим, и все поля вокруг.

Шарик взял лопату и стал ей приблизительно границу между владениями набрасывать. Ходят они с Матроскиным по этой пограничной полосе и друг на друга рычат.

Тут как раз почтальон Печкин со встречи пришел. У него тоже голова распухла от того, за кого голосовать.

— Чего это вы делаете?—спрашивает.

— Да вот этот Шарик земной шар пополам делит,—говорит Матроскин.—Ох и балбес же он, ох и балбес! Если бы я мог, я бы ему это прямо в лицо сказал.

— А вы скажите, кто вам мешает,—говорит Печкин.

— Не могу. Мы с ним уже целый час не разговариваем.

Печкин сразу нашел выход:

— Вы ему письмо напишите. Я ему передам. Лучше открытку. У меня с собой есть. Вам простую или поздравительную дать?

— Конечно, простую,—отвечает Матроскин.—Буду я на него поздравительную тратить.

Печкин у себя в сумке посмотрел и говорит:

— Какая жалость. У меня только поздравительные открытки есть. Простые кончились. Придется вам поздравительную брать.

Взял Матроскин поздравительную открытку с цветочками и котятами и написал:

”Шарик, ты—балбес!”

Печкин возражает:

— Неправильно это. Если открытка поздравительная, сначала адресата поздравить полагается.

Матроскин дописал:

”Поздравляю тебя, Шарик, ты—балбес! Перестань валять дурака, давай мириться”.

Печкин эту открытку Шарику принес. Шарик прочитал и сильнее на Матроскина обиделся:

— Я сейчас в этого поздравителя кочергой брошу.

Печкин говорит:

— Зачем бросать, если почта есть. Это уже бандероль получается. Сейчас мы ее упакуем и коту передадим. Платите десять рублей за упаковку.

Он кочергу в бумагу завернул, веревочкой перевязал и к Матроскину пришел на его половину:

— Вам кочергу прислали бандеролью. Хотели в вас запустить.

— Что?—кричит Матроскин.—Да я в него за это утюгом! Где мой утюг деревенский с углями?

Он притащил огромный чугунный утюг, прямо как из музея.

— Стоп-стоп!—говорит Печкин.—Это уже посылка получается. Платите двадцать рублей за доставку. Я уж ваш утюг передам.

— Только по башке передайте,—просит Матроскин.—Чтобы этот бандерольщик поумнел. И передайте, чтобы обед готовил. Его очередь. А то все я да я.

Печкин к Шарику утюг притащил и говорит:

— Вот велели вам по башке передать. И просили обед приготовить. Будет ответ? Можно телеграмму послать.

— Будет,—отвечает Шарик,—изобразительный. Мы без телеграмм обойдемся. У меня на телеграмму денег нет.

— А вы в карманах поищите,—предлагает Печкин.

— А у меня и карманов нет,—говорит Шарик.

Он достал уголек и на боку печки стал рисовать домик.

— Эй,—спрашивает кот,—что это? Что это за народное творчество на моей печке?

— Это индейская национальная изба,—ехидно отвечает Шарик,—”фигвам” называется.

К этому времени дядя Федор вернулся. Он потому в Троицком задержался, что пустые дома на всякий случай осматривал. Мало ли что, вдруг придется отступать. В Троицком хорошо можно было жить. Там и школа была, и клуб, и магазин. И все их давно уже знали. Особенно старики.

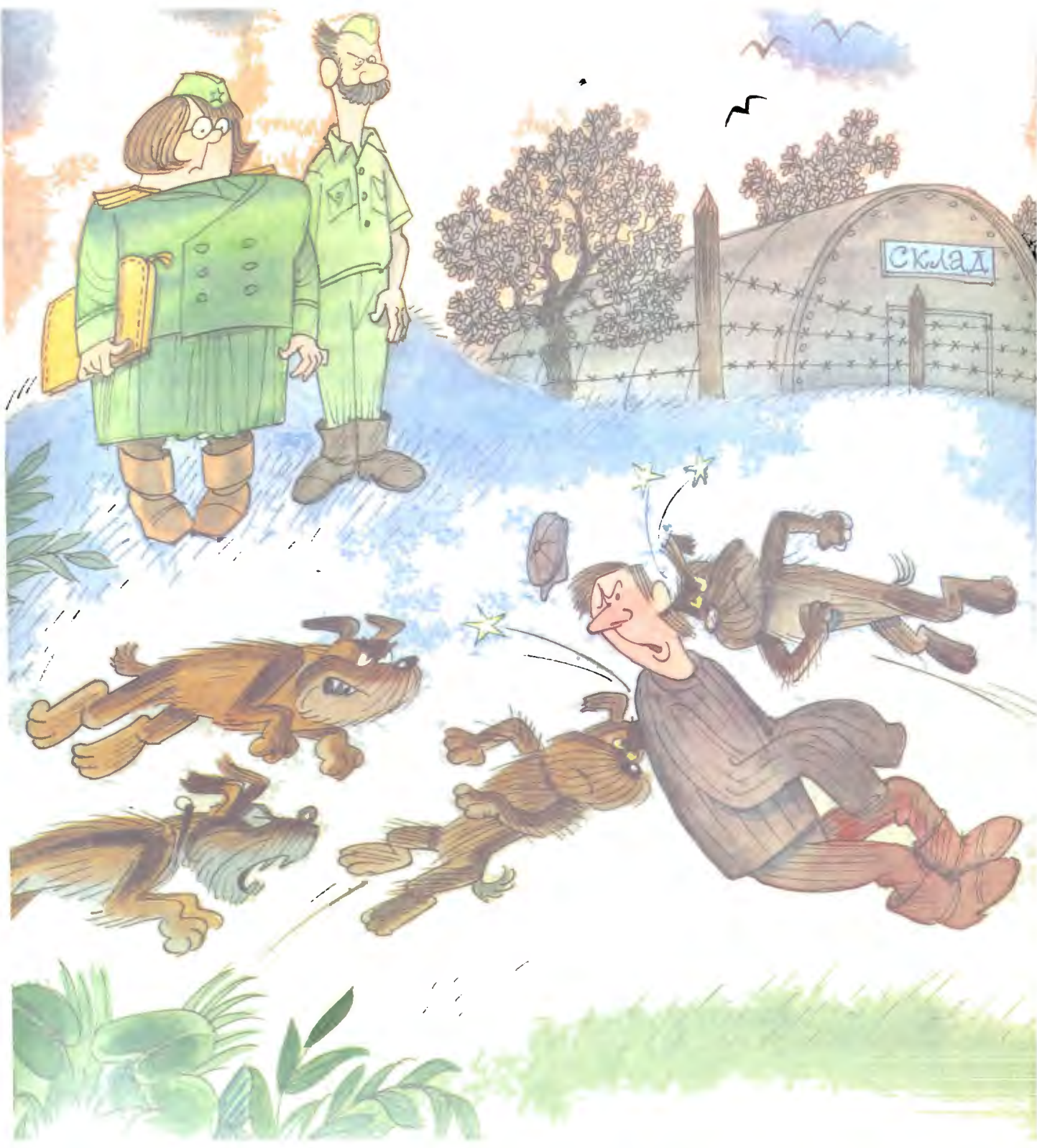
Он послушал, что происходит, и говорит:

— Вот что. Чтобы я больше ничего политического в доме не слышал. Мы жители сельские, нам не до политики. Мы должны картошку выращивать и свежим воздухом дышать.

— Еще мы должны общественной работой заниматься и пианино осваивать,—раздался другой голос.—Мы про него совсем забыли! Ах, как нехорошо!

Это тетя Тамара со встречи с избирателями вернулась. И все замолкли и загрустили.

Глава десятая

К НАМ ЕДУТ ОХОТНИКИ

Два или три дня проехали мирно. Всех дождь спасал. Такой он был густой, как марлевый занавес в сельском клубе. Поэтому все простоквашинцы—и новые и старые—много спали и много читали. Никаких вылазок на природу и десантов в огород не было. Даже тетя Тамара в руки книгу взяла. Эта была военная книга "Жизнь полководца товарища Суворова в армии и в гражданском быту".

Но вот выпал первый снег. Он липкий был, на всех проводах и деревьях повис. Последние листья с деревьев упали, потому что к ним снег прилепился. Все было белое и чистое.

По первому снегу почтальон Печкин пришел, вернее прискользил, телеграмму принес:

”Встречайте, едем. Охотники-пенсионеры!”.

— Наконец-то, сказала тетя Тамара Семеновна.—
Наконец-то я их увижу, моих военных товарищей.

Видно было, что настроение у нее улучшилось, несмотря на погоду. Она даже запела про себя что-то очень лирическое:

— Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны...
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой родины сыны...

А у Матроскина, наоборот, настроение резко испортилось:

— Черт их принес этих военных товарищей!—бурчал он.

Шарик держал нейтралитет:

— Посмотрим на этих охотников,—решил он.—
В конце концов, я ведь тоже охотник, хотя и не пенсионер.

Мама подумала:

”Пенсионеры-охотники—это так романтично”.

”Наверное, они старые!—подумал Печкин.—Еле ходят”.

— Наверное, на них можно воду возить!—решил папа.

А Иванов-оглы сказал:

— Вот у нас один случай был военный, связанный с охотой. Завезли к нам собак сторожевых восемь штук. Склад хозяйственный охранять. В нем парашюты хранились, краски всякие, посуда, валенки. И знаете, что было?

— Что?—спросил Печкин.

— Вот что. Расставили мы их по углам объект сторожить.

— Как по углам?—удивился Матроскин.—У вас там что: восемь углов было?

Иванов-оглы оторопел:

— Тамара Семеновна, у нас там что—восемь углов было?

— Они в две смены работали,—объяснила Тамара Семеновна.

— Точно, в две смены по четыре штуки зараз. Собачки сначала были дохлые,—продолжал Иванов,—но мы с товарищем полковником их подкормили. Мы для них еды не жалели. И собачки наши стали здоровые, как лошади. Правильно, Тамара Семеновна?

— Правильно,—согласилась тетя Тамара,—очень здоровые собачки стали. Поперек себя шире.

— И вот,—продолжал Иванов-оглы,—к нам однажды военные охотники приехали. Только не пенсионеры, а настоящие, действующие. Генералы там и гражданские из министерства. И стали они охотиться.

— На кого?—спросил Шарик.

— На кабана,—ответил Иванов-оглы.—У нас в окрестностях кабаны водились. Выследили они этого кабана, напустили на него собак и помчались за ним. Интересно?

— Смотря кому,—сказал папа.

— Вам?—спросил Иванов-оглы.—Вам интересно?

— Нам интересно,—сказал папа.

— И что дальше было?—спросил Шарик.

— А то. Кабан летит, не разбирая дороги. Летит и летит. И прямо на наш склад. Пробил заборчик, потом в стену врезался. А стена-то легкая, из алюминиевых листов. Кабан в склад как нож в масло вошел.

— И что?—подстегнул потрясенный Печкин.

— Стал он по складу носиться и греметь. Тут по его следам собаки и охотники прибежали. И давай лаять.

— А что же ваши собаки?—спросил Шарик.

— Наши собаки хватились, всполошились и стали склад защищать. Они стали здоровыми, а цепи остались прежними, худощавыми. Они враз и лопнули. И наши барбосы как за их собаками погонятся, как начнут охотников с ног сбивать. Вся охота вмиг назад повернула и побежала в гостиницу.

— А что же тетя Тамара?—спросил папа.

— А что тетя Тамара? Она первая поняла, что что-то неладно, схватила ружье и на охрану склада встала. Потом и мы подросли. И вдруг...

— Что "и вдруг"?—спросили все.

— Тут кабан наружу вылетает—на клыках у него фонари "летучая мышь", на голове кастрюля, как у фашистов. На ногах валенки. Сзади тормозной парашют. И весь-весь он в краске.

— В какой краске?—спросил дядя Федор.

— В зеленой, разумеется,—ответил папа.—Другой краски у военных не бывает.

— А вот бывает, — обиделась тетя Тамара. — У военных все краски есть. Корабли синие, самолеты серебристые, плащ-палатки черные. Военные очень романтические люди. И красивые.

— А голубой цвет у военных бывает? — спросила мама. — Или розовый?

Тетя стала думать. Как ни напрягала мозги, как лоб ни морщила, ничего про эти цвета вспомнить не могла.

Неожиданно в окно постучали. Это были военные пенсионеры, и Иванов-оглы прекратил дозволенные речи.

— А что дальше было? — шепотом спросил у него Шарик.

— Вечером дорасскажу, — шепотом ответил оглы.

Военных пенсионеров было пятеро. Правильно предвидели папа и мама. Они были очень романтичные, с ружьями, с патронташами и очень здоровые. На них можно было не только воду, ртуть можно было возить. Они еще были очень веселые и добродушные, хотя и пожилые.

Они обнялись с тетей Тамарой, дали дяде Федору стреляные гильзы. Иванову-оглы подарили шарф и пошли на почту размещаться. Потому что у дяди Федора места уже совсем не было.

По дороге почтальон Печкин спросил:

— А почему вы без собаки? На охоту же с собаками ходят.

— Нам собака ни к чему,—говорят военные пенсионеры.—С нами Никитич приехал. Он лучше любой собаки следы читает. Он нам запросто и кабана и лося обнаружит. Мы его завтра с утра следы читать пустим. К обеду он всех зверей выследит.

— Он тоже военный?—спросил Печкин.

— Нет, он гражданский, из общества охотников. Вон он в кабине машины сидит.

И точно. Там сидел гражданский дядя. Такой сухощавый, весь охотничий, со стальными глазами. Видно, что он очень опытный охотник был. Потому что ружье у него было самое старое. Да и одежда у него поношенная была, вся в заплатках.

Военные пенсионеры быстро стол накрыли. Выпили водки, закусили вареной картошкой. Печкина угостили. Он им потом весь вечер песни пел про то, как он на почте служил ямщиком. Иванов-оглы тоже хотел на почте остаться, но за ним Шарик прибежал и позвал дальше историю про собачек размером с лошадей и кабана с тормозным парашютом рассказывать.

— Значит, так,—продолжил Иванов.—Кабан с тормозным парашютом выскочил. А на нем ведь кастрюля новая, валенки казенные и фонари на клыках. Это же вернуть надо. Другой бы на нашем месте испугался. Но не товарищ полковник. Она за парашют рукой ухватилась и как на водных лыжах за кабаном поехала.

Все с уважением посмотрели на тетю Тамару.

— А что?—сказала мама.—Мы в детстве на реке

жили. И Тamarочка чемпионом по водным лыжам была.

— И не только по водным лыжам,—сказала тетя Тамара,—но и по бегу на коньках. И по математике.

— Да,—подтвердила мама,—вся школа Тamarочкой гордилась!

— А что с кабаном было?—спросил Шарик.

— Вот что,—ответил Иванов-оглы.—Тамара Семеновна за ним ехала, пока с него все не попадало. А скоро и собачки прибежали. Главный военный так на них ругался. Он говорил: "Надо бы их в чистое поле вывести и к стенке приставить". А что дальше было, я потом расскажу. Нас с Тамарой Семеновной к столу ждут.

— А там и дальше было?—спросил папа.

— Ой, там так много дальше было, закачаешься!—ответил оглы.—Тамару Семеновну наградили значком "Спасибо" первой степени. Я потом, вечером дорасскажу.

Они с Тамарой Семеновной ушли на почту к Печкину с военными пенсионерами праздновать. А дядя Федор с Шариком и Матроскиным совещание устроили.

— Хоть наш кабан и противный,—говорит Шарик,—а мне все равно не хочется, чтобы его стреляли.

— А я,—говорит Матроскин,—не хочу чтобы и лося подбили. Давайте меры принимать.

— Меры, значит, будут такими,—говорит дядя Федор.—Ты Шарик с утра побежишь кабана преду-

преждать, чтобы в леса уходил подальше. Туда, к Троицкому. Ясно?

— Ясно,—говорит Шарик.

— И чтоб там лежал тише воды, ниже травы. Пока охотники не уедут.

— Понял,—слушается Шарик.

— Потом ты к Матроскину вернешься,—продолжает дядя Федор.—Раненько утром вы сядете верхом на Гаврюшу и такую путаницу из следов сделаете, чтобы у их Никитича глаза на лоб повылазили.

— Я на Гаврюшу сесть не могу,—возражает Матроскин.—Он как бешеный носится. Я на Мурку сяду. Мы с ней душа в душу живем. Пусть Шарик на Гаврюшу усаживается. Они спелись.

— Хорошо,—соглашается дядя Федор.—Ты на Мурку садись, а Шарик на Гаврюшу, пусть как бешеный носится. Охотники и подумают, что здесь целое стадо лосей прошло. Ясно тебе?

— Чего ж тут неясного,—отвечает Матроскин.

— С собой вы возьмите все ботинки, какие в доме найдутся. И все кеды и калоши.

— Это зачем еще?!—удивляется Матроскин.

— Вот зачем. Вы Мурку и Гаврюшу в глубину леса заведете. Они по первому снегу следы "лосевые" оставят. В лесу вы их остановите и на ноги им кроссовки привяжете и другую обувь. Дальше они в кроссовках пойдут. Следопыт увидит, что в лес следы лосевые пришли, а из леса не выходят. Значит, лоси остались в лесу спать. Они этот лес окружают и будут пустой лес

до ночи караулить. К ночи они намерзнутся и ни с чем уедут. И наши лоси целы останутся.

Этот план коту и Шарику очень понравился. Так они и решили с утра действовать.

Мама и папа в это время на сеновале мерзли. Мама говорит:

— Ты знаешь, Дима, я как-то себе жизнь в Простоквашине по-другому представляла. Я теперь поняла, что мне на работе больше нравится. Я там душой отдыхаю, когда мы товар в нашем магазине по прилавкам раскладываем.

— Да и я,—отвечает папа,—больше люблю в нашем гараже тормозные колодки менять, чем здесь на этой холодыге педагогикой заниматься.

— Давай удерем,—предлагает мама.—Ребенок наш в хороших руках останется. Тамара за ним приглядит.

— Если он от нее не скроется,—соглашается папа.

— Ну а если скроется,—говорит мама,—он все равно не пропадет. У него такой кот есть, до которого тебе расти и расти. Он все умеет: и температуру мерить, и кашу варить. Если такой кот есть,—пошутила мама,—никакого мужа не надо.

— Что верно, то верно,—согласился папа.—Был бы у меня такой кот, я бы, может, и не женился никогда.

К этому времени фонарь во дворе замерцал. Так здорово колпачок белого света над снегом двигался.

И в него то одна нога входила, то другая. Это Иванов-оглы вернулся дальше историю про охотничий случай рассказывать. Все вокруг него собрались. И Шарик, и Матроскин, и дядя Федор. И папа с мамой с сеновала подтянулись.

— Ну и что дальше там было с собачками?—спросил папа.

— Вот что. Через два месяца одна собачка, самая шустрая четырех щенят родила. А кто ее просил? Ей склад охранять надо, а она со щенятами. Мы и решили щенят у нее отнять и под окотившуюся козу подложить. У козы молока много—выкормит.

— А нельзя разве было щенят раздать населению?—спросил папа.

— Конечно нельзя,—ответил оглы,—это же государственное имущество. Так можно и танки раздать.

— И что коза, выкормила?—спросил Матроскин.

— Еще как! Такие собачки получились—загляденье. Крепкие, активные! Пришла пора их на службу ставить.

— В армию призывать,—сказал папа.

— Не надо их призывать,—объяснил Иванов-оглы. Они и так в армии. Мы с товарищем полковником вызвали инструктора-дрессировщика. Приехал специалист с помощником, стал их к сторожевой службе готовить. День готовит, два готовит, потом приходит весь в слезах. "Уберите от меня этих собак!—говорит.—Это служебный брак". Мы спрашиваем: "Почему брак". Он говорит: "Смотрите".

Иванов-оглы рванул стакан воды от волнения и продолжил:

— Вывел он собак на площадку и говорит: "Сидеть!" Они сели. Он говорит: "Голос". Они все как заблеют: "Ме-е-е-е-е!" Он им показал: "Гав! Гав! Гав!" Они ему: "Ме-ме-ме!" Он им опять намекает: "Гав! Гав!" Они ему опять: "Ме! Ме!" Он вывел им помощника и велит: "Взять!" Они как бросятся на помощника и давай его бодать. Он аж зеленый от злости стал. "Все,—говорит,—списывайте их к чертовой матери! Это не собаки, это—козлы глупые! Вы бы их еще в курятник поместили, чтобы они у вас кукарекали по утрам!" Плюнул он на землю и уехал. А что дальше было, я вам потом расскажу.

— А там и дальше было?—теперь уже удивилась мама.—Какая-то тысяча и одна ночь.

— Было-было,—ответил оглы. Это долгая история. Мы с товарищем полковником не привыкли отступать в хозяйственных вопросах. Мы этих собачек к делу приспособили, и еще как!

Он ушел на почту ночевать, и все заснули.

Глава одиннадцатая

ОХОТА

Утром Шарик чуть не проспал. Хорошо что дядя Федор будильник завел на четыре утра.

Вокруг дома еще темень была, но какая-то светлая. Всё—и деревья и сарай—хорошо было видно. Потому что снег был чистый, чистый, чистый.

Шарик сразу схватил фонарь в лапы и к кабаньему оврагу отправился.

Бежит он и себе под нос бормочет:

— Этот танк лохматый два раза меня на столб загонял, а я его спасать должен.

Бормотал он так, бормотал и вдруг на что-то твердое налетел. Это и был "танк лохматый".

Шарик ему говорит:

— Слушай, кореш! Тебе бежать надо. На тебя охотиться идут. Понял?

Кабан встал на передние ноги и сделался огромный, как самосвал. Но никуда не побежал. Шарик ему растолковывает:

— Кабаша, тебе уходить надо. В леса. Там охотники приехали с ружьями. Хотят тебя добыть. Их пятеро. Понял, кореш?

Кореш, конечно, все понял. Он медленно так стал разворачиваться. Только совсем не в ту сторону, чтобы от охотников бежать. А совсем в другую сторону, в сторону Шарика.

Шарик ему кричит:

— Эй, эй! Ты куда поворачиваешься! Ты что, Кабаша!!!

А Кабаша ничего и слышать не желает. Он так медленно на Шарика развернулся и побежал. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Шарик кричит:

— Эй ты, свинина, что ты делаешь? Ты что— совсем?

Только что со свинины возьмешь? Кабан себе паровозом за Шариком летит. А клыки у него острые, и каждый размером в хороший кавказский кинжал. Видит Шарик гибель его приближается. Кабаша ему уже в хвост дышит. Сейчас его на клыки поднимут!

Шарик как прыгнет на ближайшую березу. И не успел понять, как на самых ее верхних ветках оказался.

Шарик кабану сверху кричит:

— Эй ты, окорок полоумный! Вот сейчас охотники придут, из тебя шашлык сделают, а потом чучело. Спасибо тебе третьей степени!

Только свинина знать ничего не хочет. Потопталась-потопталась внизу под Шариком и ушла куда-то за горизонт.

Тем временем Матроскин собрал все ботинки, кеды и тапочки и стал Мурку и Гаврюшу из сарая выводить. Дядя Федор ему помогал.

— А что это Шарика нет?—спрашивает дядя Федор.

— Наверное он кабана в соседний район отгоняет,—отвечает Матроскин.—Да я и без него справлюсь. Мне от Шарика мало пользы бывает. Только раздражение одно.

— А от меня тебе не бывает раздражений?—спрашивает дядя Федор.

— Нет,—говорит кот,—от тебя мне, дядя Федор, одна радость идет.

— Значит, вместе поедem.

Сели они вдвоем на Мурку, Гаврюшу на поводок взяли и поехали.

Сначала они за околицу пошли с другой стороны деревни. Потом кругами шли. Как только Никитич в сторону леса лосей выслеживать пойдет, он обязательно на их следы "лосевые" наткнется.

Так и вышло. Охота началась. Первым из почты Никитич вышел. Глаза в землю опустил и к лесу направился. За ним пятеро охотников с ружьями наперевес. Один другого заспанней.

— Вот,—говорит Никитич,—вижу следы. Лось с лосихой прошли. Лось молодой, лосиха в годах.

— Будем лося стрелять,—говорят охотники.—Пожилую лосиху не будем.

— Они в рощу направились,—говорит следопыт Никитич.—Там сейчас молодой березы полно. Они будут ее жевать.

Матроскин и дядя Федор в это время молодые березы не жевали. Они ботинки и кеды к ногам Мурки и Гаврюши привязывали. Привязали и из рощи в поле верхами направились.

— Будем рощу стрелками обставлять,—говорит Никитич. И охотников вокруг рощи повел.

— Вот,—говорит,—я вижу из рощи следы выходят.—Не знаю, как это понять. Это, наверное, отряд пионеров по следам боевой славы ходил. Следы очень детские.

Расставил он охотников по номерам вокруг рощи, а сам стал в рожок трубить, лосей из леса выгонять. Трубит он, трубит не хуже электрички, а из рощи никто не выбегает. Только Гаврюша на его горячий призыв откликнулся: как замычит в ответ: "Му-уууу-ууууууууууууууууууууууууууу!!!"

— Ушли,—сказал Никитич.—Ушли наши лоси. Видно, пионеры их испугали.

— Какие пионеры?—спрашивают охотники.

— Те, которые по местам боевой славы ходят. Помните мы видели следы детские.

— Да, сейчас пионеров развелось больше чем лосей,—сказал один охотник.—Шагу не шагнешь в леса. Всюду пионеры боевую славу ищут или природу спасают в виде костров.

— Никитич, что делать-то будем?—спросил другой.

— На кабана пойдем,—говорит Никитич.—Там в овраге огромный кабанище скрывается. Я вчера следы видел.

Пошли они к оврагу. По сугробчикам идут, от них пар валит. Но ничего, они идут километр за километром. Охотники народ упрямый. Один охотничий поэт так сказал:

Поймешь охотника тогда,
Когда пройдешь неоднократно
Надежды полный путь туда
И безнадежный путь обратно.

Видят они вдалеке на березе что-то темнеется.

— Это рысь,—говорит Никитич.

А это Шарик темнелся. Увидел он охотников и от радости даже залаял. Один охотник удивился:

— В нашей боевой газете "Красная звезда" я однажды читал, что были собаки, которые блеяли на

посту. Статья эта называлась "Козобаки или собакозы". Но чтобы рыси лаяли, я такого не знаю.

— Ой,—говорит старший охотник,—да это не рысь. Это Шарик тамаросеменовский.—Эй, Шарик, что ты там делаешь?

— На кабана охочусь,—отвечает Шарик.

— Давай слезай к нам.

— Нет,—говорит Шарик.—Лучше вы ко мне залезайте.

— А что—так удобнее смотреть?

— Нет, безопаснее сидеть.

— Что кабан-то, большой?—спрашивают охотники.

— Очень большой,—отвечает Шарик.

— Килограмм сто будет?

— Я думаю, пятьсот, и еще двадцать на клыки отведите.

— Что-то мне не очень хочется охотиться,—говорит старший охотник.

— Да и нам что-то не очень,—говорят другие.— Главное: мы погуляли, воздухом подышали, пейзажи хорошие увидели. В общем, наприродились по самые уши. Пошли на почту чай пить.

Тогда Шарик к ним слез и тоже на почту отправился чай пить. Очень ему такие охотники понравились. Один Никитич недоволен был. Но он у них не главный.

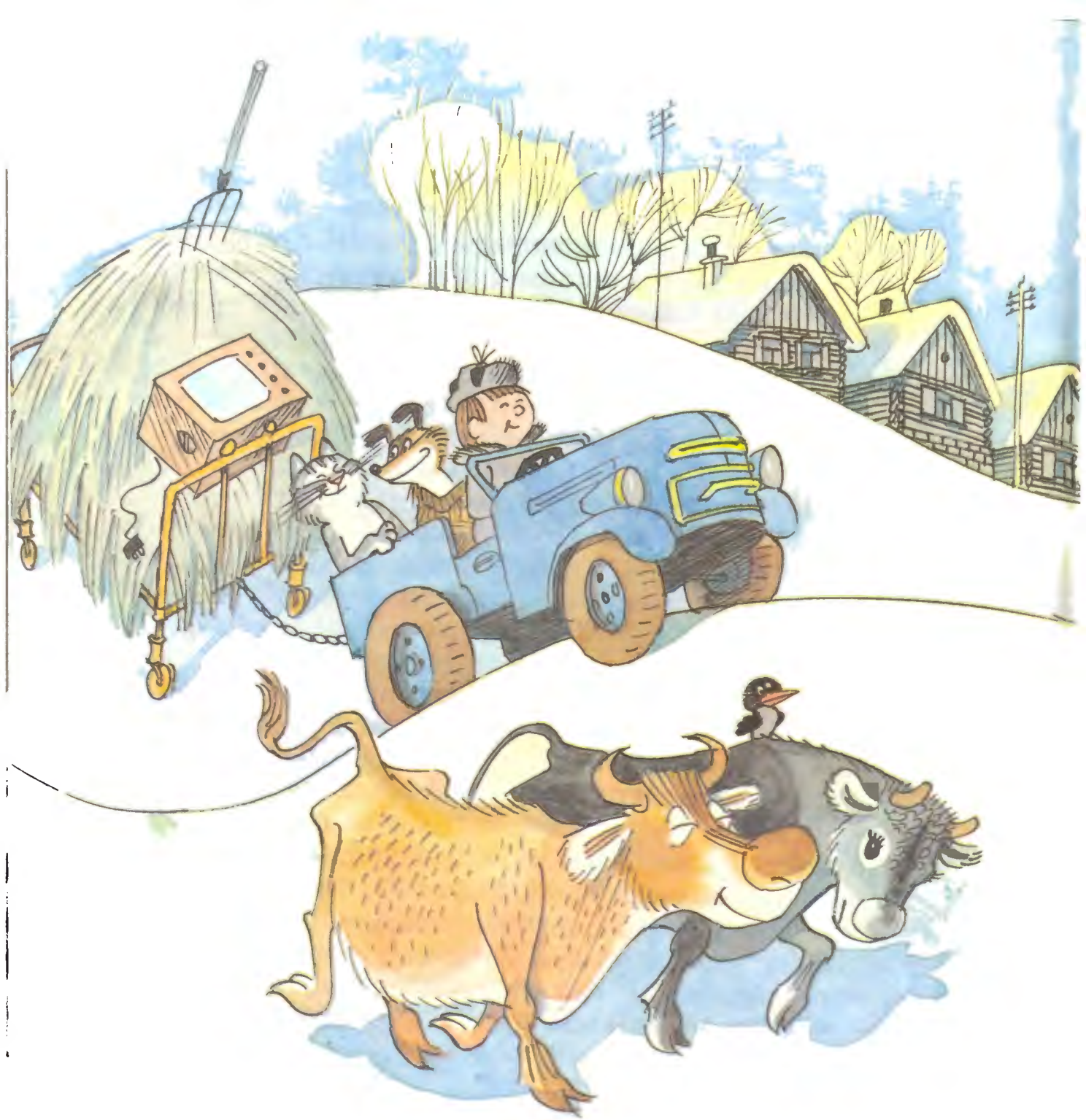
А Тамара Семеновна пир охотникам устроила из их продуктов: просто объединение. Там и суп был, и чай, и торт со шпротами. Почтальон Печкин и Иванов-оглы ей помогали.

Потом они танцы устроили и народные песни пели до утра. Шарик в таких охотников просто влюбился. Он дяде Федору сказал:

— Такая охота мне очень нравится. А вот ружья всякие, и флажки, и капканы я бы запретил.

Глава двенадцатая

”ПОРА, БРАТ, ПОРА!”

Вечером папа с мамой на народно-целебную прогулку пошли. Их тетя Тамара научила босиком по снегу ходить. Это жутко полезно для здоровья. Сама она не ходила. Она себе пятки отморозила. Но другим очень рекомендовала.

Дядя Федор, Матроскин и Шарик на совещание собрались. Кот Матроскин говорит дяде Федору:

— Скоро охотники уедут, Тамара Семеновна нами займется. Спасибо ей второй степени.

— Не грусти,—отвечает дядя Федор.—Мы от мамы ушли, мы от папы ушли, от почтальона Печкина ушли, а от тети Тамары мы и подавно уйдем. У меня план есть.

— У меня тоже план есть,—говорит Матроскин.

— Какой же?—спрашивает дядя Федор.

— Давайте ей телеграмму пришлем: "Вызываем в Москву на пост министра обороны по пенсионерам". Она сразу умоляет. И будет на нашей улице праздник.

— Да!—возражает дядя Федор.—А потом она узнает, что ее никто не вызывал. Примотает обратно, и будет на нашей улице траур.

— У меня тоже есть план,—кричит Шарик.—Давайте ей записку пришлем: "Уезжай отсюда, а то плохо будет". И подпишем: "Трое неизвестных".

— Хороший план,—говорит дядя Федор.—Только опасный. И потом она, Шарик, сразу догадается, что трое неизвестных—это есть один ты, да еще невоспитанный.

— А какой план у тебя?—спрашивает Матроскин.

— Какой, какой?—кричит Шарик.

— Я в селе Троицком большой дом пустой нашел. В нем два года уже никто не живет. Я со стариками поговорил, они разрешают его занимать. Дом большущий, но мы его освоим. У нас уже опыт есть. Там и школа есть. Все мы учиться начнем.

— Ура!—шепотом закричали Шарик и Матроскин. Шепотом, потому что дверь заскрипела. Это папа с мамой с лечебной прогулки пришли.

— Мы втроем целый санаторий пустой освоим,—сказал Матроскин под конец.—У нас уже большой опыт есть. А учиться я давно хочу. Я сразу в первый класс поступлю.

— А я не знаю, в какой мне поступать,—говорит Шарик.—Может, я уже до пятого дорос. А может, до десятого.

— А может, уже и до директора школы,—сказал дядя Федор.

Кот Матроскин на эти слова полчасика ехидно смеялся, а Шарик подумал:

”А что? Если меня побрить хорошо, да причесать, да пиджак с галстуком накинуть, не только директор—сам министр просвещения выйдет старорежимный”.

Во время лечебной прогулки мама говорила папе:

— Все, мой милый Дима, пора домой двигать. Меня мой магазин ждет. От такого количества событий я просто устала. Да и на сеновал пора отопление провести. По утрам я никак одеяло разогнуть не могу.

— Хорошо,—отвечал папа,—завтра рано встанем и поедем.

Они пришли на сеновал, упаковали свои рюкзаки и к тете Тамаре на почту явились прощаться.

На почте в это время охотники отвальный праздник устраивали. И все про Печкина хорошие слова говорили. Они желали Печкину долгих лет жизни и большого почтового счастья.

Папа с мамой тихонько к Тамаре подошли:

— Ты уж, Тамара, за нашим мальчиком приглядывай. Если тебя в Думу изберут, ты его не бросай, оставь заместителем своего Иванова-оглы. А нас работа ждет.

— Ладно,—говорит Тамара Семеновна,—поезжайте, работайте. О мальчике даже и не думайте. Я скоро из него чемпиона по музыке сделаю. В крайнем случае по боксу.

— Дядю Федора утром мы будить не станем,—говорит папа,—мы ему письмо пришлем.

— Правильно,—согласилась тетя Тамара,—чего ребенка зря беспокоить. Идите себе и спите до утра спокойно.

Утром у всех хлопот было больше головы.

Во-первых, уезжали охотники.

Во-вторых, уезжали папа с мамой. Их с большим трудом в охотничью машину запихнули.

В-третьих, уезжала тетя Тамара. За ней машину прислали из города для встречи кандидатов с президентом. Иванов-оглы с ней ехал.

В-четвертых, уходил почтальон Печкин в село Троицкое за зарплатой.

Только дядя Федор, пес и кот в Простоквашине оставались. Как в былые спокойные времена.

Пока тетя Тамара собиралась, папа с мамой собирались, Шарик к Иванову-оглы пристал, расскажите, мол, чем там история с собаками кончилась. С теми, которые у козы воспитывались и лаять не умели.

Иванов рассказал второпях:

— Мы этих собачек списывать не хотели. Товарищ полковник велела на них специальные намордники выковать с рогами. Идея такая: как только нарушитель подойдет, собачки на него бросаются и рогами его бабах в грудь. Здорово придумано?

— Неплохо,—соглашается Шарик.

— Да, я тоже так думал,—говорит оглы.—Сначала.

А потом дело до смешного дошло: как наши собачки заблеют, так все волки из округи сбегаются. Зубами щелкают. Наши собачки на них с рогами. Цепи рвут и за волками в леса. Только волки ловкие, а собачки цепные неуклюжие. Они то дело рогами в деревья. Приходилось их по следу разыскивать, от деревьев отрывать и домой приводить.

— Ну и что же вы сделали?—спросил Шарик.— Чтобы это исправить?

— Товарищ полковник сутки не спала, но придумала. Мы стали на них шлемы мотоциклетные надевать. Как враг придет, они его этим шлемом в грудь—и кранты!

— А волки?—спросил дядя Федор.—Тоже кранты?

— А что волки? Как наши собачки блеять начинают, волки сбегаются. Наши собачки—за ними, волки—бежать! Ну и пусть. Ничего страшного. В шлемах они, как шары бильярдные, от деревьев и от волков отлетают. Так что очень скоро волки наши края покинули. А собачки до сих пор в армии служат, склад охраняют.

Шарик очень долго благодарил Иванова-оглы-Писемского за рассказ и за приятную компанию. После многократного общения с Ивановым-оглы объем знаний у Шарика заметно возрос.

Наконец все разъехались. Печкин разъехался пешком. Тетя Тамара с Ивановым на черной "Волге", охотники с папой и мамой на "рафике" вездеходном.

"Авторафик" с охотниками на главное шоссе заспешил, чтобы в Москву ехать. Ехали они, ехали по

ледяной дороге, и вдруг их занесло из-за перегруженности, и они в сугроб свалились.

Опытные охотники вышли из "рафика", подняли его на плечи и снова на дорогу поставили. Папа с мамой даже понять ничего не успели.

Добродушные охотники решили размяться и перекусить. Стали термосы доставать, бутерброды. Папа в это время попросил бинокль военный и начал окрестности осматривать.

Мама говорит папе:

— Это ничего, что мы убежали. Мы ребенка в хорошие руки отдаем. При Тамаре он не пропадет.

— Не пропадет, я просто в этом уверен,—говорит папа, а сам в бинокль смотрит.

— Почему ты в этом так уверен?—спрашивает мама.

— Потому, что твой сынишка сзади нас на своем тракторе в другую деревню едет. Переселяется.

Мама бинокль у папы вырвала и тоже стала смотреть.

— Верно, это дядя Федор на тракторе едет. С ним Матроскин и Шарик. Но почему ты решил, что они переселяются. Может, они просто кататься выехали.

— Очень может быть, что кататься выехали,—соглашается папа.—И Мурку они решили прогулять, и Гаврюшу по морозцу. И сено на кровати с колесиками решили покатать. И телевизор решили проветрить, чтобы в нем моль не завелась.

Папа всегда с мамой соглашался во всем, не спорил. Но как-то так получалось, что его согласие

наоборот выходило жутким несогласием. Хорошо, что мама в последнее время на него совсем сердиться перестала. А если была недовольна, она просто говорила:

— Спасибо тебе, Димочка, второй степени!

А в этот раз она подумала и вдруг сказала такое:

— Все ясно. Бедная моя Тamarочка! Как я ее люблю!

ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ.

— Дядя Федор или ты, Матроскин,—спрашивал Шарик,—ответьте, с чего начинается дом?

— С дыма из печки,—сказал кот.

— С калитки,—сказал дядя Федор.

— Эх, вы,—рассмеялся Шарик,—глухомань! Дом начинается с собачьей будки.

ПОЧТИ КОНЕЦ.

”Постановление Президента России.

В связи с тем, что в деревне Простоквашино построено две гостиницы, аэродром, три военных санатория и проведена автотрасса российского значения, переименовать деревню Простоквашино в город Простоквашинск.

Мэром города назначить Ломовую-Бамбино Тамару Семеновну.

Президент Ельцин Б.Н.”

КОНЕЦ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. ПИСЬМО	3
Глава вторая. ТЕЛЕГРАММА	17
Глава третья. НОЧЬ	25
Глава четвертая. НАЦЕЛИВАНИЕ	29
Глава пятая. ТАИНСТВЕННОЕ СВИДАНИЕ	49
Глава шестая. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	59
Глава седьмая. В ПРОСТОКВАШИНЕ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН	69
Глава восьмая. К НАМ НАМЕЧАЮТСЯ ОХОТНИКИ	81
Глава девятая. КАНДИДАТЫ В ДЕПУТАТЫ	89
Глава десятая. К НАМ ЕДУТ ОХОТНИКИ	99
Глава одиннадцатая. ОХОТА	111
Глава двенадцатая. "ПОРА, БРАТ, ПОРА!"	121

Для любых возрастов

Успенский Эдуард Николаевич

ТЕТЯ ДЯДИ ФЕДОРА ИЛИ ПОБЕГ ИЗ ПРОСТОКВАШИНО

Лицензия ЛР №070445 от 30.03.92. Сдано в набор 29.08.94.

Подписано в печать 31.10.94. Формат 84х90 1/16. Бумага офсетная.

Усл. п. л. 11,2. Тираж 40 000 экз. Заказ № 2928. С 015.

РИО "САМОВАР".

127018, Москва, а/я 90.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской
Федерации по печати. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

У77 Успенский Э.Н. Тетя дяди Федора или побег из Простоквашино.-
М.: РИО "Самовар", 1994.

ISBN 5-85066-016-X

© Текст, РИО "Самовар"

© Иллюстрации, В.Чижиков

Этой книгой РИО "САМОВАР"
продолжает серию
"Э.Успенский в рисунках В.Чижикова".

РИО "САМОВАР" благодарит
фирму "БИК" за участие
в издании книги.

По вопросам приобретения книги
обращаться по телефонам:

Фирма "БИК" (095) 147-34-70 / г.Москва /
(812) 535-04-49 / г.Санкт-Петербург /
РИО "Самовар" (095) 289-43-92

Готовится к выпуску следующая книга
из этой серии: "Пластмассовый дедушка".

CAM BAP